

РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
ИССЛЕДУЯ НОВЫЕ ПРОЦЕССЫ, ИСПОЛЬЗУЯ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

УДК 910.1

ГЕОПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПОДХОДЫ И ОСОБЕННОСТИ

© 2022 г. В. А. Колосов^{а, *}, М. В. Зотова^{а, **}, Н. Л. Туров^{а, ***}

^аИнститут географии РАН, Москва, Россия

*e-mail: kolosov@igras.ru

**e-mail: zotova@igras.ru

***e-mail: turov@igras.ru

Поступила в редакцию 12.12.2021 г.

После доработки 15.01.2022 г.

Принята к публикации 22.02.2022 г.

На фоне общемировых тенденций рассматриваются основные направления, методические подходы и наиболее яркие результаты исследований в области геополитики и политической географии в 2011–2021 гг. Происходит широкая интеграция политической географии с сопредельными научными направлениями. Российская политическая география и в значительно меньшей степени геополитика опираются на широкий спектр концепций, известных в мировой литературе. Исследователи, работающие в этих областях, оперативно откликаются на актуальные внешнеполитические и иные вызовы, в том числе пандемию коронавирусной инфекции. Особое внимание в статье уделено геополитическим публикациям о повороте российской внешней политики на восток и концепции Большой Евразии. С начала 2010-х годов в России получила более широкое распространение теория критической геополитики, оперирующая не умозрительными рассуждениями, а большими массивами информации, анализируемыми с помощью современных количественных методов. Растет поток исследований государственных границ и пограничья. Большое место в этих публикациях занимают работы, посвященные растущим градиентам в темпах и направлениях экономического развития между странами бывшего СССР. Сдвиги в тематике исследований границ связаны с более глубоким изучением проблем безопасности. Многие работы отражают стремление в ухудшившейся обстановке сохранить позитивный опыт приграничного сотрудничества между российскими и европейскими партнерами. Наибольшее число российских публикаций по регионализации на разных пространственных уровнях посвящено Балтийскому бассейну. Множится число исследований территориальных конфликтов и сепаратизма. Российские географы и представители смежных наук внесли существенный вклад в изучение проблем неконтролируемых территорий и постсоветских непризнанных (частично признанных) государств. Конфликты вокруг непризнанных (частично признанных) государств на постсоветском пространстве рассматриваются в связи с их внутренними различиями, сложным составом, перипетиями формирования и идентичностью населения, влиянием на соседние районы России и в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: геополитика, политическая география, Россия, Большая Евразия, пограничные исследования, сепаратизм, непризнанные государства

DOI: 10.31857/S2587556622030086

ВВЕДЕНИЕ

Геополитика рассматривалась в СССР вплоть до последних лет его существования как реакционная буржуазная наука, нацеленная на обоснование экспансии международного империализма, а политическая география оставалась периферийной областью общественной географии, развивавшейся почти исключительно на материалах зарубежных стран. Бурные политические события периода распада Советского Союза — поиск новыми независимыми государствами своего

места на политической карте мира и строительство идентичности, вспышка этнотерриториальных конфликтов и острые дискуссии о проблемах границ, первые демократические выборы и проекты реформ государственного устройства и административного деления — вызвали всплеск внимания к геополитике и политической географии. 1990-е годы были отмечены быстрым ростом числа публикаций в этих областях, их авторы были далеко не только и часто даже не столько географы, сколько политологи и особенно бывшие

преподаватели марксистско-ленинской философии и научного коммунизма. Научный и общественный интерес к геополитике и политической географии и поныне остается высоким. В Санкт-Петербургском университете создана кафедра региональной политики и политической географии, в ведущих вузах Москвы – МГИМО и Национальном университете “Высшая школа экономики” также возникли политико-географические подразделения. Выходят интересные работы, написанные учеными других научных центров России, – Оренбурга и Симферополя, Владивостока и Калининграда, Смоленска и Улан-Удэ. Очевидным трендом в развитии геополитики и политической географии стало стирание формальных граней между дисциплинами, особенно между географией, политологией и социологией. За последнее десятилетие изменилось и соотношение в числе исследований по отдельным областям: упал интерес к электоральной географии, но вырос – к изучению границ, регионализма, представлений граждан о месте страны и своего региона в мире.

Дать полное представление о современном состоянии геополитики и политической географии в России в рамках одной статьи невозможно, поэтому мы выбрали для краткого обзора области, в которых, по нашему мнению, достигнуты наиболее яркие результаты. Как и в других статьях этого специального выпуска, в обзор вошли в основном публикации 2011–2021 гг. Цель работы – выявить главные черты развития геополитики и политической географии в России за последнее десятилетие и их соотношение с мировыми тенденциями и современными теоретическими представлениями. Авторы начинают обзор с геополитических публикаций. Особое внимание уделено “повороту на Восток” в российской внешней политике и получившей известность концепции Большой Евразии. Затем мы переходим к пограничным исследованиям – расширяющейся междисциплинарной области, в развитии которой географы играют видную роль, а также работам по проблемам регионализации – важному фактору изменения и перераспределения функций границ. Завершает статью оценка вклада российской политической географии в изучение неконтролируемых территорий и непризнанных государств как неотъемлемого элемента современного мирового геополитического порядка.

ГЕОПОЛИТИКА: БУМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Геополитика остается исключительно популярным в России междисциплинарным направлением научных или околонучных публикаций. Как и в 1990-х годах (Колосов, Туровский, 2000), можно найти немало попыток дать сложным политическим явлениям простое объяснение ссыл-

ками на особенности географического положения России или ее якобы постоянные и бесспорные национальные интересы. Геополитику преподают в вузах и на факультетах самой разной специализации (Mäkinen, 2008): в России выпущено более 100 учебников, учебных пособий и хрестоматий, в названии которых фигурируют термины “геополитика” или “геополитический”. Растет и мировой поток публикаций по этой теме, и доля в нем публикаций с участием российских ученых. По данным “Скопус”, в 2017 г. она достигла 10%, что примерно вчетверо больше, чем доля работ российских авторов, индексированных международными библиографическими базами данных. Особенно значительный рост публикационной активности отмечен после 2012 г., а пиковым стал 2015 г. (Сильнича, Гуменюк, 2020). В этом отразились глубинная трансформация международной системы и двойной кризис: конфликт на юго-востоке Украины, фактический разрыв российско-украинских отношений и резкое похолодание отношений между Россией и Западом, санкции и контрсанкции. Как и раньше, в России преобладают работы неоклассического направления, принадлежащие политологам, социологам, экономистам. Публикации географов в российской базе “eLibrary”, содержащие в названии, ключевых словах и аннотации указанные выше термины, составили в 1991–2015 гг. всего лишь 2.5% от общего числа материалов (Потоцкая, Сильнича, 2019).

При обилии публикаций российская геополитика по-прежнему предстает весьма размытой предметной областью, да и в мировой науке до сих пор не выработано консенсуса ни в определении ее содержания, ни в подходах и методах. Альтернативой неоклассической геополитике с начала 1990-х годов стала критическая геополитика, оперирующая не умозрительными рассуждениями, а большими массивами информации, анализируемыми с помощью современных количественных методов. В критической геополитике удалось снять противоречие между использованием геополитических идей для обоснования и оправдания политических решений (геополитикой как идеологией и политической практикой) и изучением влияния пространственных факторов на внешнюю политику или политическую деятельность в целом. Авторы концепции критической геополитики предложили рассматривать ее как дискурс, в котором отражаются интересы различных социальных слоев и политических сил. Позже ее содержание было расширено за счет изучения роли геополитических символов, образов и представлений, содержащихся не только в дискурсе политических лидеров, но и в сообщениях СМИ, рекламе и мультфильмах, кино и карикатурах.

В России критическая геополитика до начала 2010-х годов была мало известна. Одними из первых использовать ее методы стали сотрудники Института географии РАН, которые разработали представления об интеграции отдельных геополитических образов в геополитическую картину мира, формирующуюся в коллективном сознании социальных групп и отдельных людей. Она включает представления о месте страны в мире, ее внешнеполитической ориентации, “естественных” и желаемых союзниках, главных политических игроках, угрозах национальной безопасности, исторической миссии и совместном с соседними странами прошлым, преимуществах и недостатках определенных внешнеполитических стратегий. Геополитическая картина мира – продукт национальной истории и культуры, результат синтеза взглядов, исповедуемых различными слоями политической элиты, академическими экспертами, творческой интеллигенцией и общественным мнением в целом (Колосов, 2011).

Применяемая авторами методика основывалась на анализе взаимосвязи между “высокой” геополитикой, развиваемой политическими лидерами и экспертами (академическими учеными, известными журналистами и т.д.), и “низкой”, то есть геополитической картиной мира в сознании граждан. Средством изучения “высокой” геополитики служит анализ дискурса с использованием качественных и количественных методов. “Низкая” геополитика исследуется с помощью социологических методов – массовых опросов, фокус-групп, глубинных интервью.

Сотрудники института опубликовали, в том числе с зарубежными соавторами, ряд работ, посвященных российскому политическому дискурсу в связи с атакой американских городов террористами и попыткой сближения с Западом, сравнениям дискурсов различных политических сил с мнениями рядовых граждан в разных районах, выявленным на основе массовых опросов, представлениям населения о зарубежном мире и т.п. (O’Loughlin et al., 2004a, 2004b). По материалам проекта Пятой Европейской рамочной программы “Видение Европы в мире” (EuroBroadMap), а именно опросов около 10 тыс. студентов в 18 странах, была изучена зависимость представлений о мире от социальной стратификации, пространственной мобильности респондентов и их семей, знания ими иностранных языков. Полученная геополитическая картина мира была сопоставлена с мировым “пространством потоков” – географическим распределением внешней торговли, прямых иностранных инвестиций, миграций, международных авиарейсов, поставок оружия, политическими связями, выражающимися в солидарном голосовании в ООН, и т.д. Другими словами, была поставлена цель выяснить, насколько заметность и образ страны зависят от ее

объективного места в мире, интенсивности и природы ее внешних контактов. Исходная гипотеза предполагала также, что видение мира зависит от физического расстояния и культурной дистанции между странами (сходства языка и религии).

Исследование показало, что в России, как и в других странах, наиболее известны респондентам крупные мировые державы-нюсмейкеры, соседние страны и регионы международных конфликтов, регулярно освещаемые СМИ. Страны Африки, значительная часть Азии и Латинской Америки упоминались редко. Наиболее известными и привлекательными для российских студентов в то время были страны Западной Европы, которые ассоциировались с высоким уровнем жизни, туризмом, потреблением товаров и услуг, но также с богатым культурным наследием и демократическими режимами. Сама Россия, по оценкам студентов большинства стран, в которых проводился опрос, относилась к числу хорошо известных, но по большей части непривлекательных стран.

Политический дискурс в России и других странах – официальный (интервью и заявления политических лидеров), медийный (материалы СМИ) и экспертный (научные публикации) был сопоставлен с результатами специально проведенных и имеющихся в открытом доступе опросов общественного мнения. Изучение российского официального дискурса и публикаций ряда газет за несколько лет показали многозначность и расхождения в интерпретации концепции “русского мира”. Проведенные в конце 2014 г. массовые опросы одновременно в областях Юго-Востока Украины и во всех непризнанных республиках обнаружили большие территориальные различия в самоидентификации респондентов с “русским миром”, их высокую корреляцию с русской или украинской идентичностью (впервые за постсоветские годы – раньше такой зависимости не наблюдалось) и ориентацией на российские или украинские телеканалы. С помощью статистического моделирования был установлен “портрет” типичного представителя “русского мира”, то есть взаимозависимость социально-демографических характеристик, путей социализации, степени доверия политическим лидерам и электропального поведения (O’Loughlin et al., 2016).

В дальнейших исследованиях по политической географии большое внимание уделялось средствам, используемым государствами и отдельными политическими силами для убеждения граждан в правильности определенного геополитического видения мира и основанной на нем внешнеполитической стратегии (Kolosov et al., 2018). Эта задача становится все более сложной в связи с ростом индивидуализма, распространением Интернета и социальных сетей. В то же вре-

мя контроль над телекоммуникациями и в особенности основными телеканалами облегчил властям возможность манипулировать общественным мнением. В формировании геополитической картины мира важную роль играет социализация школьников, включая содержание учебников по истории и географии. Был сопоставлен официальный дискурс и контент нескольких поколений школьных учебников по этим предметам в Украине (Вендина и др., 2014а) и Эстонии (Вендина и др., 2014б). Этот анализ позволил сделать вывод, что модель укрепления украинской идентичности через противопоставление с Россией способствовала усилению межрегиональных противоречий на Украине после событий февраля 2014 г. и сепаратистским настроениям части населения Донбасса.

С 2010-х годов теория критической геополитики получила большее распространение, в особенности благодаря работам И.Ю. Окунева и других сотрудников МГИМО. Они рассмотрели соотношение официального молдавского политического дискурса и бытового дискурса малых народов Молдавии — гагаузов и болгар, используя представление о том, что коллективные идентичности могут опираться на образы “других” как конституирующих маркеров, в данном случае — России (Окунев, 2016). Л.С. Жирнова (2021) осветила роль России как значимого “другого” в карикатурах, опубликованных в латвийских газетах, а Н.К. Радина (2021) провела семантический анализ обширного массива публикаций в российских газетах в 2019 — начале 2020 годов, ключевым словом которых был “коронавирус”. Н.К. Радина показала, как надвигающаяся пандемия служила поводом демонизации Китая и осуждения американского гегемонизма и политики Д. Трампа. В серии работ К.Э. Аксенова с соавторами рассматривается процесс “идеологизации” городского пространства стран СНГ. Появление новых государств на постсоветском пространстве сопровождалось национализацией городских топонимов, переходом от их единой “матрицы”, формировавшей общую советскую идентичность, к региональной диверсификации подходов к изменению топонимов (Аксенов, 2020; Аксенов, Андреев, 2021; Аксенов, Яралян, 2012).

Анализируя мировую литературу по геополитике, в том числе критической, петербургский географ А.Б. Елацков выдвинул широкую теоретическую концепцию, изложенную в большой серии статей (2012, 2013), а затем и монографии (2017). Ключевым объектом геополитики он считает геополитическое отношение (ГО) — сочетание в разных пропорциях географических и политических отношений, синтез которых дает ему новое качество. В географической составляющей ГО А.Б. Елацков выделяет формально-пространственные (позиционные) и содержательные эле-

менты. Примером могут служить разного рода трансграничные потоки, которые имеют определенный территориальный рисунок, географическое (к примеру, цепочки добавленной стоимости) и одновременно политическое содержание (например, влияние миграции на внутривнутриполитическую ситуацию в стране и районах наибольшего притока мигрантов). Под геополитикой А.Б. Елацков понимает организацию геополитических отношений субъектов и одновременно сферу познания и мышления, направленную на выявление и трансформацию этих отношений. Он подразделяет “геополитическую мысль” на три уровня. Обыденный уровень — преимущественно бессистемный, эмоционально окрашенный набор стереотипов, мифов и психологических комплексов, который представители критического направления называют “низкой” геополитикой. В практической геополитической мысли преобладает прикладная составляющая, связанная с обыденным уровнем и использующая готовые концепции. Наконец, высшим уровнем является концептуальная геополитика — исследования, идеи, обобщения (“высокая” геополитика). Геополитическое знание А.Б. Елацков делит на несколько геопространственных типов, в числе которых контекстный, отражающий баланс внешних и внутренних условий в разных сочетаниях: по способу анализа, теоретико-идеологическим направлениям и т.п. Критическая геополитика, претендующая на анализ “со стороны”, по его мнению, сама не может оставаться политически нейтральной, и география предстает не реальностью, а ее образом. Синтез обновленной классической и критической геополитики автор предлагает называть постклассической. К этому же мнению пришел в одной из своих работ и И.Ю. Окунев (2014).

К достижениям в области теории геополитики и политической географии стоит отнести обзор развития этих сфер знания в Санкт-Петербургском университете почти за три столетия (Каледин и др., 2019), а также сделанную иркутским географом А.Н. Фартышевым попытку впервые использовать теорию игр для формализации категории “геополитическое положение”. Опираясь на советско-российскую концепцию географического положения, он выделил пассивное (совокупность факторов, способствующих защите от экспансии), активное (факторы, способствующие экспансии и расширению влияния страны) и геоэкономическое (факторы, содействующие экономическому развитию) геополитическое положение. А.Н. Фартышев сфокусировал усилия на оценке геоэкономического положения Сибири, уникальностью которого во многом определяется “ультраконтинентальностью” (выражение Л.А. Безрукова). По аналогии с работами многих политологов, разработавших синтетические показатели совокупной

мощи страны, А.Н. Фартышев использовал в своих построениях понятие геополитической силы. По его мнению, геополитическое положение территории в общем виде определяется отношением его геополитической силы к сумме геополитических сил других (соседних) субъектов, скорректированных на степень влияния каждого из них на данный субъект и политическое отношение к этому субъекту. Фартышев предложил набор конкретных параметров для оценки этих показателей, в том числе политических отношений по шкале “дружественность—враждебность” (2017, 2019).

“ПОВОРОТ НА ВОСТОК” И КОНЦЕПЦИЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Одной из важнейших тем геополитических публикаций в последние годы был “поворот на Восток”, под которым имеется в виду необходимость диверсификации внешних источников развития страны и стратегическое взаимодействие с Китаем и другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона. “Поворот на Восток” был ускорен геополитическим кризисом в связи с событиями на Украине и резким обострением отношений между Россией и Западом. Предполагается использовать отношения с Китаем для модернизации экономики, привлечения новых прямых инвестиций, ускорить структурные изменения в экономике Дальнего Востока и Восточной Сибири и остановить депопуляцию этих регионов.

Во второй половине 2010-х годов активизировалась тесно связанная с “поворотом на Восток” дискуссия о Большой Евразии. Главную роль в ней играют политологи, в том числе руководители и ведущие эксперты влиятельного Совета по внешней и оборонной политике, но к дебатам активно подключились и географы, поскольку тема Большой Евразии имеет не только внешнее, геополитическое, но и внутреннее измерение.

Суть этой концепции состоит в формировании “нового экономического, политического и культурного пространства от Владивостока (Шанхая) до Лиссабона” — “пространства свободной торговли, развития, мира и безопасности, условий для суверенного развития всех входящих в него стран, культур и цивилизаций” (Караганов, 2019, с. 9, 12). Теория Большой Евразии внешне похожа на концепцию евразийства — один из главных элементов российской геополитической традиции. Однако евразийство возникло как реакция на противоречия между Российской империей и европейскими державами, противопоставляющими “Восток” “Западу”. Его идеологическая основа заключалась в представлении о России как особой культурно-исторической общности, отличной как от Азии, так и от Европы, но равной

ей, совпадающей более или менее точно с границами Российской империи (Laguette, 2008).

Большая Евразия не только намного больше “Евразии-России”, но и имеет другую архитектуру. Она основана не столько на смежности, сколько на сетевом взаимодействии, имеет полимасштабную структуру, созданную в результате региональных интеграционных процессов на разном уровне. Поэтому один из основных геополитических аргументов — возможность сохранения Россией в условиях многополярной Евразии положения независимой великой державы, несмотря на отставание от США, Китая и Индии в темпах роста экономики, уменьшение численности населения и соответственно снижение веса в мире. “Поворот на Восток” соответствует фундаментальной ориентации постсоветской России на создание многополярного геополитического порядка и предотвращение гегемонии какой-либо отдельной страны или группы стран (Суслов, Пятачкова, 2019). Другой важный геополитический аргумент — избавление от альтернативы превращения России в младшего либо коллективного партнера Запада либо Пекина. В не состоявшейся “Большой Европе” Россия осталась бы маргинальной периферией, вечно отстающим учеником в школе “европейских ценностей”, вынужденным следовать нормам, установленным без ее участия. Кроме того, в условиях явной и растущей асимметрии в потенциале России и Китая — ее великого восточного соседа — Москва заинтересована в балансировании его мощи в системе многообразных сетевых связей и институтов.

По мнению сторонников Большой Евразии, есть объективные предпосылки ее формирования, которые Россия не может игнорировать. К ним они относят фактическую стагнацию экономики ЕС, кризис европейской интеграции и очевидное перемещение центра тяжести мирового хозяйства в Азию, страны которой благодаря окончанию эры военного превосходства Запада и процессу деколонизации сумели использовать предпосылки для быстрого развития, опирающегося на рост внутреннего рынка и внутриконтинентальную торговлю. В основе концепции Большой Евразии — приоритет экономических взаимодействий, отделение экономики от оков геополитики, преодоление разногласий, унаследованных от холодной войны, и предотвращение появления новых, урегулирование разногласий и трений между участниками (Вперед ..., 2018, с. 29).

Обоснованием “поворота на Восток” и концепции Большой Евразии служат и внутрироссийские причины — необходимость ускорения и устранения перекосов в развитии Сибири и Дальнего Востока, более эффективного использования их богатых природных ресурсов (Котляков, Шупер, 2019). Эти проблемы прямо увязываются

с дискуссией о континентальном и ресурсном “проклятьях” России и в особенности Сибири, то есть обреченности экономики на низкую эффективность в связи с огромными расстояниями, высокой транспортностью (Безруков, 2008) и специализацией на экспорте сырья и топлива (Kryukov and Seliverstov, 2022).

Однако концепция Большой Евразии вызывает у некоторых российских авторов осторожное или откровенно скептическое отношение. Они утверждают, что, несмотря на реальные общие интересы, государства Европы и Азии, в первую очередь Китай и Индия, вовлечены в конфликты между собой, имеют разные политические режимы и ориентации, исповедуют в корне разные взгляды на государственный суверенитет и характер международных отношений (Кортунов, 2019). Критики подчеркивают, что малые и средние страны опасаются использования концепции Большой Евразии Китаем, Россией и другими ведущими державами в борьбе за политическое влияние, и отмечают отсутствие адекватной политической инфраструктуры, которая могла бы служить общим форумом для евразийских государств, особенно в области безопасности (ШОС такие амбиции удовлетворить не может).

Другие авторы доказывают, что надежды на резкое увеличение китайских инвестиций в обрабатывающую промышленность, рост доли товаров с высокой добавленной стоимостью в российском экспорте в Китай и строительство крупных объектов инфраструктуры в России не оправдались. Китайские партнеры заинтересованы в доступе к российскому сырью, а не в инвестировании в высокотехнологичную промышленность. Рост российско-китайского товарооборота тормозят неэкономические препятствия (Kolosov and Zotova, 2021b). Хотя доля стран ЕС в российской внешней торговле уменьшается, изменения ее распределения по странам с 2014 г. не демонстрируют решительного поворота на Восток. Китай уверенно занял первое место среди торговых партнеров России, опередив Германию, однако на ЕС в целом по-прежнему приходится большая часть товарооборота (в 2019 г. – 43%). В китайской внешней торговле Россия занимает весьма скромное место: на нее приходится 2.9% импорта и 1.3% экспорта (2019) – намного меньше, чем в обороте с США или основными странами ЕС. Формирующаяся Большая Евразия сулит Российской Федерации не только новые геостратегические возможности, но и фундаментальные риски. Усиливающаяся специализация азиатской части России на экспорте в Китай и страны Азии энергоснабжателей, минерального сырья и древесины усугубляет ее отставание от партнеров, стимулирует очаговость размещения населения и хозяйства, способствует вовлеченности восточных регионов

во внешнеэкономические связи в ущерб внутрироссийским (Дружинин, 2020).

ПОГРАНИЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ВЫЗОВЫ МНОГОСОСЕДСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ

Мировые потрясения последних лет с новой силой высветили значимость государственных границ в жизни общества. Пандемия коронавируса привела к закрытию и резкой асимметрии в функциях многих межгосударственных рубежей. Серия миграционных кризисов в Европе и других регионах мира дала толчок политике секьюритизации, что усилило использование новейших технологий в охране границ и борьбе с нелегальной миграцией, а также ускорению строительства физических барьеров вдоль границ. В России, граничащей с 16 странами (включая признанные ей Абхазию и Южную Осетию), дополнительными факторами, усилившим внимание к границам, в 2010-х годах стали вступление в силу соглашения о создании ЕАЭС, присоединение Крыма, гражданская война в украинской части Донбасса, введение международных санкций и контрсанкций, обострение отношений с соседними странами ЕС и одновременно интенсификация сотрудничества с Китаем. Исследования границ (*border studies*), как и за рубежом, превратились в быстро развивающуюся междисциплинарную область знания, оставаясь одним из классических направлений политической географии.

Центральной концепцией в современных пограничных исследованиях стало понимание границы как сложной социальной категории, которая формируется в результате воспроизводства разграничений разными социальными и политическими силами в ходе их деятельности – социальной практики (*bordering*) (Brambilla and Jones, 2020; Konrad, 2015; Paasi, 2021; Paasi and Prokkola, 2008; Scott 2021). Таким образом, граница – это одновременно саморазвивающийся правовой институт, материальный феномен (пункты перехода и другая инфраструктура), разделительная линия и прилегающее пространство, на которое она влияет, социальная практика, символ и комплекс социальных представлений.

Тематика пограничных исследований российских авторов в основных чертах сходна с направлениями исследований их европейских коллег. Для стран ЕС и России актуальна проблема перераспределения функций между границами (*de-bordering* и *re-bordering*). Как известно, в ЕС многие функции государственных границ переданы внешним границам интеграционного объединения, тогда как внутренние рубежи стали более открытыми. На постсоветском пространстве, наоборот, границы между бывшими республиками СССР превратились в государственные. “Игра с

нулевой суммой” в отношениях между Россией и Западом в борьбе за влияние в странах бывшего СССР определила перераспределение барьерных и контактных функций границ: они все более зависели от вовлеченности постсоветских государств в интеграционные процессы под эгидой РФ.

Есть и два очевидных отличия в направлениях пограничных исследований в России и европейских странах. Во-первых, в России выходит гораздо меньше работ о взаимосвязи между функциями и режимом разных участков границ и миграцией. Хотя Россия – третий мировой ареал притяжения международных мигрантов после США и ЕС, эта проблема имеет меньшую остроту в связи с открытостью границ, особенно между странами ЕАЭС. Во-вторых, в России, наоборот, сравнительно больше публикаций о “материальных” функциях границ – их роли в формировании трансграничных социально-экономических и культурных контрастов, регулировании потоков через границу, влиянии взаимодействий между соседними странами и регионами на окружающие территории.

Это направление – самое широкое и по числу работ, и по географическому охвату. На западе пик внимания к изучению *трансграничных контрастов* пришелся на 1980–2000-е годы, когда подобные исследования проводились в пограничье между старыми членами ЕС и бывшими социалистическими странами, стремившимися к вступлению в это интеграционное объединение (Stryjakiewicz, 1998), США и Мексикой (Martinez, 1994). Границы – мощное средство воспроизводства пространственного неравенства, поэтому в отечественных работах особый интерес к анализу пограничных градиентов был вызван растущей асимметрией в темпах и направлениях экономического развития бывших советских республик, растущими в ходе государственного строительства различиями между их экономическим и политико-правовым пространством (Kolosov and Morachevskaya, 2020). Анализ контрастов, связанных в том числе со спецификой сложившихся систем расселения и территориальной структуры хозяйства приграничных районов, позволяет оценить перспективы трансграничного сотрудничества. Экономическая периферийность и наибольшие градиенты в уровне экономического развития между российскими регионами и их соседями наиболее заметны на старых, унаследованных от СССР границах в европейской части России (Зотова и др., 2018а) и отражают ее относительное отставание от стран ЕС. Значительный разрыв в социально-экономических показателях, как правило, снижает заинтересованность в сотрудничестве и повышает риск формирования неравноправных отношений, когда наибольшие выгоды получает более сильная сторона. Примером могут служить экономические отношения

между приграничными регионами России и Китая. В то же время трансграничные различия между смежными территориями выступают для них и существенным ресурсом, позволяя расширить внутренний рынок за счет граждан сопредельных стран, лучше удовлетворять спрос на товары и услуги, повышать культуру производства и т.д. (Зотова и др., 2018б).

Как показали многие российские авторы, в постсоветском пограничье нарастает контрастность в уровне развития как между пограничными районами соседних стран, так и в приграничной полосе каждой из них. Приоритет интересов государственного строительства в постсоветских государствах приводит к росту периферийности удаленных от городских центров территорий вдоль новых границ, интерферирующему с негативным влиянием границы, что становится существенным препятствием для эффективного взаимодействия даже между странами ЕАЭС (Морачевская, 2010; Российское ..., 2018). Депрессивность большинства муниципальных районов, примыкающих к российско-белорусской границе, связана также с гиперконцентрацией экономической активности в столичных агломерациях, создающей гигантские контрасты (Яськова, 2021).

Важным аспектом изучения постсоветского пограничья остается анализ демографических и миграционных процессов, особенностей этнокультурной ситуации, городского и сельского расселения по обе стороны от государственной границы в динамике и пространственной дифференциации (Попкова, 2011), а также формирования трансграничных регионов и развития приграничного сотрудничества (Герасименко, 2011; Карпенко, 2019; Новиков, 2015).

Потенциал развития приграничных территорий оценивался на основе анализа внешнеэкономических связей, эффективность которых можно определять с использованием многофакторного моделирования через соотношение и состав экспорта и импорта и межотраслевой баланс (Бильчак, 2011). Показатели транспортной и пограничной инфраструктуры также рассматривались как фактор взаимодействий между государствами. Проводилось зонирование пограничья по уровню инфраструктурного развития (Рыгнызов, Батомункуев, 2016).

В работах ряда географов оценивается влияние разных типов границ (природных, экономических, административных, государственных) на аграрную специализацию приграничных территорий. Если роль административных границ в связи со становлением рыночных отношений резко уменьшилась, то влияние природных и государственных границ остается по-прежнему значимым (Бабурин и др., 2019).

Французский географ М. Фуше назвал границы “фабрикой идентичностей”. Взаимосвязь между границами, территорией и идентичностью — ядро не только пограничных исследований, но и всей политической географии. Исследования по этой теме, условно — символической функции границ составляют второе магистральное направление пограничных исследований в России. Их цель состоит в анализе социальных представлений об оптимальной конфигурации государственного рубежа, отражающие взгляды граждан на критерии, отделяющие “своих” от “чужих”, оптимальном режиме и функциях границ. Исследования этого направления подразумевают анализ роли границ в национальной идентичности, политическом дискурсе, исторических нарративах, символическом ландшафте пограничья и др. Подобные исследования часто опираются на социологические данные и изучение процессов социализации разных поколений, то есть на парадигму критической геополитики (Вендина, Гриценко, 2017; Amilhat Szary, 2020; Paasi, 1996; Scott, 2021).

На постсоветском пространстве государственные и административные границы часто рассматриваются как границы между идентичностями. Территориально-государственное размежевание между республиками и территориальными автономиями бывшего СССР зиждилось именно на этом принципе: чем больше формальная граница совпадает с границей идентичностей, тем больше она интерпретировалась как справедливая. Между тем, во многих районах чересполосного или смешанного расселения разных этнических групп подобного соответствия достичь невозможно. В исследованиях Д. Ньюмена и других западных авторов хорошо показано, что проблема первичности идентичности или границ — вопрос о курице и яйце.

Этот феномен прекрасно показан в исследованиях реликтовых (исторических) границ, утративших наиболее важные функции разделительных линий между государствами, но оставшихся существенными политическими, экономическими и культурными барьерами. Принадлежность в прошлом к иным историко-культурным и политическим регионам оказывает заметное влияние на социальные практики и идентичность их жителей, на различные виды деятельности, проявляется в культурном ландшафте и может быть использована для мобилизации общественного мнения, например, в целях сепаратизма. Такие реликтовые границы называют фантомными (Janczak, 2015; von Hirschhausen et al., 2019; и др.). В России типичными фантомными границами выступают рубежи территорий, присоединенных к бывшему Советскому Союзу (РСФСР) перед Великой Отечественной войной и по ее итогам и входивших ранее в состав других европейских стран, а также бывшие фронтиры, служившие ос-

новой системы охраны и обороны в XVI—XIX вв. на юге и востоке страны. Заметность фантомных границ в том числе определяется глубиной разрыва в благосостоянии между разделяемыми ими территориями, политическими различиями между странами, политической памяти и другими факторами (Колосов, 2017).

Российские исследователи часто изучали взаимовлияние формальных границ и идентичностей на примерах пограничья между Россией с Украиной и странами Балтии (Вендина и др., 2014б, 2021; Крылов, Гриценко, 2015) — территорий, длительное время существовавших в пределах общего с нынешней РФ государства со смешанным этническим составом населения, ныне входящие в разные экономические и политические союзы и системы безопасности. Эти факторы приводят к формированию сложносоставных, смешанных или переходных моделей идентичности. На примере Псковской области анализировалась роль СМИ и регулярных трансграничных контактов в формировании моделей добрососедской или оппозиционной идентичности (Манаков, 2010).

В мировой литературе исследования воздействия границ на идентичность, социальные представления и повседневную жизнь общества обычно сфокусированы на адаптации местных сообществ к рубежам разного типа, их роли в формировании различий между людьми и социальными системами, а также особой приграничной культуры и связанной с уникальностью практик постоянного пересечения границы амбивалентностью идентичностей и толерантностью к инаковости (Anzaldúa, 1999). Сходные процессы рассматривались и в пограничье России с Польшей и Финляндией (до пандемии COVID-19). На этих участках повседневные трансграничные контакты расширили жизненные планы людей, дали им возможность накопить и реализовать на практике опыт действий в иной социальной среде, способствовали росту интереса и доверия граждан соседних стран друг к другу, а в итоге — формированию идентичности “трансграничного жителя”, чувствующего себя комфортно по обе стороны границы (Бредникова, 2008; Зотова и др., 2018а). В то же время, в российско-украинском и российско-эстонском пограничье граница в восприятии граждан вместо условной линии на карте стала важным рубежом, ощущаемый в повседневной жизни. По типологии О. Мартинеса (Martinez, 1994), граница превратилась из “интеграционной” в “сосуществующую”, а затем “отчуждающую”, а пограничье — из во многом единой территории — в приграничные полосы (Зотова, Гриценко, 2021).

Границы отражают одновременно локальные, межгосударственные и глобальные последствия экономических и политических процессов и битв

за идентичность. Они представляют собой чрезвычайно динамичный социальный институт: их функции и режим постоянно меняются в зависимости от двусторонних отношений между соседними странами, политической обстановки в мире, глобальной и региональной экономической конъюнктуры, курсов валют и мировых цен. Поэтому третьим ведущим направлением в российских пограничных исследованиях стало изучение динамики свойств и функций границ под влиянием диалектического сочетания процессов глобализации и регионализации (фрагментации политического пространства). В зарубежных исследованиях подобного рода рассматриваются противоречия между растущими международными и трансграничными взаимодействиями, объективной потребностью в высокой проницаемости границ, с одной стороны, и интересами национальной и региональной безопасности, с другой. Уже в начале 2010-х годов исследователи отмечали тенденции к огораживанию государственной территории от негативных и непредвиденных последствий глобализации, в том числе путем возведения тысячекилометровых физических барьеров вдоль границ, основанном на стремлении более полно контролировать товарные, финансовые, а иногда и информационные потоки, защитить национальное экономическое пространство от излишней конкуренции (Ghorga-Gobin, 2012; Jones, 2012; Rosière and Jones, 2012; Vallet, 2019). Но особенно остро эти процессы проявились с началом пандемии COVID-19, когда окончательно стала очевидной несостоятельность представлений 1990-х годов о постепенном наращивании контактных функций границ за счет барьерных (Böhm, 2021; Chaulagain et al., 2021; Rothmüller, 2021). Новые работы показали, что пандемия частично опровергла концепцию ослабления государства в результате процессов глобализации (Golunov, 2021; Golunov and Smirnova, 2021). Наиболее очевидным геополитическим следствием пандемии стала дальнейшая фрагментация политического и социально-экономического пространства, инструментом которой выступили не только государственные, но и внутренние административные границы. Закрытие границ происходило асинхронно и асимметрично, не было согласовано даже между странами ЕС, и затронуло мобильность и повседневные интересы более чем 90% населения мира (Gössling et al., 2020). В результате пандемия способствовала дальнейшему разделению мира на “своих” и “чужих”. Невидимые границы регионов с разным уровнем заболеваемости разделили территории с различным уровнем урбанизации, разнотипной транспортной структурой и доходами и соответственно подвижностью населения, наконец, разными культурными особенностями и образом жизни (Kolosov et al., 2021).

На стыке политической и физической географии и других наук возникли исследования путей устойчивого развития и управления трансграничными природными объектами – международными речными бассейнами, горными системами, внутренними морями, особо охраняемыми природными территориями (ООПТ) и т.д. Их хозяйственное использование объективно порождает противоречия между странами, на территории которых расположены эти объекты. Однако продуманные институциональные механизмы позволяют сгладить разногласия и способствуют стабилизации экологического состояния трансграничных природных объектов даже при напряженных межгосударственных отношениях (Селиверстова, 2009). Хотя ни в одном из основных трансграничных бассейнов РФ не достигнут необходимый уровень координации усилий, на отдельных участках накоплен позитивный опыт взаимодействия (Фролова, Самохин, 2018). Работы совместной российско-азербайджанской комиссии по распределению водных ресурсов р. Самур, разработка комплексной программы российско-казахстанского сотрудничества по сохранению экосистемы бассейна р. Урал (Соколов и др., 2020; Чибилёв, 2018), а также совместные (до 2014 г.) усилия украинских и российских специалистов по использованию и охране р. Северский Донец показывают, что при эффективном и согласованном управлении трансграничным природным объектом и наличии политической воли можно достичь успехов (Демин, Шаталова, 2015).

Новые, складывающиеся в России направления пограничных исследований связаны с оценкой роли границ в международном туризме. Границы находят отражение в “высокой” и массовой культуре – литературе, кино, живописи, архитектуре. В публикациях российских авторов развитие туризма рассматривается как одно из важных направлений приграничного сотрудничества (Себенцов, Зотова, 2018) в контексте динамики функций и режима границ, трансграничного ценового градиента, а также аттрактивности самих границ и приграничных регионов для туристов (Катровский и др., 2017). Важным вкладом в развитие этого направления стали работы А.Ю. Александровой и ее соавторов, рассматривающих границы как средство регулирования международных туристских потоков и одновременно фактор развития туризма на приграничных территориях. Большое внимание уделяется эволюции государственных границ в мире и их превращению из барьера, препятствующего международному туристскому обмену, в ресурс, придающий важное конкурентное преимущество приграничным территориям (Александрова, Ступина, 2014; Александрова, Шипугина, 2020).

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ НА РАЗНЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ УРОВНЯХ

Важным фактором перераспределения функций между политическими границами разного уровня стало формирование международных регионов разного уровня (регионализации) как ответ на вызовы международной конкуренции, требующей укрупнения рынков, трансграничной кооперации и новых подходов к территориальной организации хозяйства (Корнеевец, 2010; Федоров, Корнеевец, 2010).

Современные подходы к регионализации основаны на сочетании конструктивистского и функционального понимания этого процесса. Иными словами, трансграничные регионы могут формироваться и “снизу”, на основе все более плотных сетевых производственно-сбытовых, миграционных и иных взаимодействий, социокультурной общности и усиления взаимозависимости между территориями, и “сверху”, за счет усилий заинтересованных государств, бизнеса и общественных организаций в реализации определенной концепции. Разработанные в Европе принципы “нового регионализма” обеспечивают максимально гибкий подход к регионализации. Главное в них — деполитизация, многоуровневое управление, сочетание разных моделей, необязательность опоры на существующие нормы, многосторонний характер, то есть использование не только экономических, но и социальных, культурных, экологических факторов сотрудничества, участие регионов и муниципалитетов стран с разным государственным устройством и правовыми системами, возможность договариваться только по тем вопросам, по которым удалось достичь компромисса, не пытаясь решить сразу наиболее трудные проблемы (Колосов, Себенцов, 2019; Fawcett, 1995).

Анализ регионализации приобрел для российских политико-географов высокую актуальность, в том числе в связи с тем, что на межгосударственном уровне Российская Федерация вовлечена в деятельность многих региональных организаций, а на субгосударственном — в формирование трансграничных регионов, в первую очередь на границах с ЕС (Колосов, Себенцов, 2019). Центральное место в исследованиях на эту тему занимают работы, посвященные трансграничной регионализации в бассейне Балтийского моря, принадлежащие главным образом калининградским ученым — особенностям и перспективам формирования компактных территорий, объединяемых существенными внутренними связями (Корнеевец, 2010; Федоров, Корнеевец, 2010). Эти исследования дополняли, а нередко и осуществлялись с участием европейских авторов (Palmowski and Fedorov, 2020; Sagan et al., 2018). Ход и результаты регионализации оценивались на основе анализа интенсивности и структуры связей между различ-

ными акторами — внешней торговли, инвестиций, соглашений между разного рода партнерами (Корнеевец, 2010; Федоров и др., 2013). Изучалась специфика и реализация проектов ЕС, направленных на поддержку приграничного сотрудничества и интеграционных процессов на внешних границах — например, перспективы создания трансграничного региона Трехградье—Калининград—Клайпеда (Пальмовски, Федоров, 2019).

Несмотря на определенные успехи в сотрудничестве с европейскими партнерами, некоторые российские авторы подчеркивали, что интересы России учитывались далеко не всегда. Взаимодействия на разных платформах, например Совета государств Балтийского моря (СГБМ), инициативы “Северное измерение”, Стратегии ЕС для региона Балтийского моря (СЕСРБМ), Совета министров Северных стран (СМСС), Союза балтийских городов (СБГ), Балтийского форума развития (БФР), еврорегиона “Балтика” и др., сталкивались с отсутствием необходимого финансирования и ограниченными возможностями российской стороны влиять на принятие решений (Болотникова, Межевич, 2012). Забюрократизированность, а с 2014 г. и блокирование странами Балтии и другими партнерами каналов сотрудничества на межгосударственном уровне не позволило реализовать многие перспективные инициативы на региональном и локальном уровнях (еврорегионы, “города-близнецы”) и сблизить балтийские стратегии РФ и ЕС в ходе российского председательства в СГБМ в 2012–2013 гг. (Сергунин, 2013). Оценка инициативы “Северное измерение” как одного из модельных направлений трансграничного сотрудничества в федеральном и региональном дискурсе выявила определенное несоответствие между ожиданиями и результатами сотрудничества, в том числе связанное с отсутствием единых механизмов финансирования и управления программой (Колосов, Себенцов, 2019).

Реально действующим механизмом взаимодействий между Россией и ЕС на региональном и локальном уровне, позволяющим привлекать инвестиции и способствовать развитию экономики и социальной сферы приграничных регионов, стали программы приграничного сотрудничества ENPI. Анализ проектов этих программ в разных сферах (Гриценко и др., 2013; Кропинова, 2013; Кузнецова, Гапанович, 2012) показал, что в приграничных с ЕС регионах (Калининградская, Ленинградская, Псковская области, Карелия) постепенно выстраивалась институциональная модель сотрудничества, которая привела к формированию настоящих сетевых партнерств — как межотраслевых, так и по отдельным секторам деятельности (охрана окружающей среды, туризм и пр.) (Себенцов, Зотова, 2018). В качестве одного из эффективных инструментов интенсификации приграничного

сотрудничества рассматривалось введение упрощенных (фактически безвизовых) режимов пересечения границы – малого приграничного передвижения (МПП) для жителей российско-польского, российско-латвийского и российско-норвежского пограничья (Гуменюк и др., 2019; Sagan et al., 2018). Режим МПП положительно сказывался на контактах между странами, способствовал повышению трансграничной мобильности и социально-экономическому развитию приграничных территорий.

С 2016–2018 гг. тематика публикаций по приграничному сотрудничеству между Россией и ЕС существенно изменилась. Когда стало очевидно, что в ближайшей перспективе не следует ожидать улучшения отношений, появилось заметное число работ, связанных с повесткой безопасности, – экономической, политической, военной или социальной (Воловой, Баторшина, 2017; Межевич, Зверев, 2018; Сергунин, 2021; Федоров, 2020). В центре внимания исследователей оказалось место Балтийского региона в современных стратегиях входящих в него государств. Текущие процессы исследовались через призму концепции сообщества безопасности (*security community*) Карла Дойча и комплекса региональной безопасности (*regional security*) Барри Бузана. Важными темами стали рост рисков локальных конфликтов и политической нестабильности, обеспечение военной безопасности и милитаризация региона, в том числе анализ военных расходов стран Балтии, выросших только за 2015–2016 гг. на 45%, что составляет почти 6% доходной части бюджета (Межевич, Зверев, 2018). Важной сферой конфронтации между Россией и Западом, в том числе и в регионе Балтийского моря, выступила экономика. В результате за счет свертывания хозяйственных связей с Россией ВВП Эстонии, Латвии и Литвы снизился за 2015–2016 гг. на 8–12% (Межевич, 2016). В результате санкций и контрсанкций существенно сократился объем торговли России со странами региона Балтийского моря.

Исследования социальной безопасности в соответствии с концепциями Копенгагенской школы международных исследований показали, что несмотря на существующие противоречия, в Балтийском регионе удалось выработать общий подход к пониманию угроз и вызовов общественной безопасности, включающих неравномерное региональное развитие, социальное и гендерное неравенство, безработицу, бедность, проявления нетерпимости, религиозный и политический экстремизм, изменение климата, природные и техногенные катастрофы, эпидемии, киберпреступность, международный терроризм и т.д. (Сергунин, 2021). Россия была вовлечена в разработку Стратегии устойчивого развития “Балтия-2030”, что дает основания для осторожного оптимизма в оценке перспектив сотрудничества.

Почти не пострадали связи в сферах культуры, образования, науки, сохранились и взаимодействия в рамках программ приграничного сотрудничества (Кондратьева, 2021; Миронюк, Женгота, 2017). Это подтверждает тезис о том, что благодаря реализации с начала 2000-х годов совместных программ создана сеть контактов на региональном и местном уровнях, которые играют ключевую роль в укреплении доверия между сторонами, основанного на рациональном выборе, социально-культурной общности и личных отношениях (Колосов, Себенцов, 2019). Именно подобная сеть служит залогом неформального диалога, площадкой взаимодействий и позволяет сохранить потенциал для восстановления политических отношений в перспективе.

СЕПАРАТИЗМ, ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПРОБЛЕМЫ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Тема территориальных конфликтов приобрела в России особую актуальность в период распада СССР, когда был опубликован ряд пионерных исследований о заявленных различными политическими силами и потенциальных территориальных претензиях союзных республик и территориальных автономий друг к другу и их причинах. В 1990-х годах это направление – геоконфликтология – разрабатывалось О.Б. Глезер, В.А. Колосовым, Н.С. Мироненко, Н.В. Петровым, А.И. Трейвишем, Р.Ф. Туровским. В последующем, в результате государственного строительства в постсоветских странах, ситуация стабилизировалась, оставшиеся территориальные конфликты стали изучать “вглубь” политологи и этнологи. Число собственно географических работ по геоконфликтологии сократилось. Стоит отметить работы И.П. Супрунчука по географии терроризма, отражавшей, в частности, остроту межэтнических отношений (Супрунчук и др., 2017). В 2010-х годах вышло несколько работ о территориальных конфликтах в зарубежных странах (Захаров и др., 2020; Скачков, 2019; Brazhalovich et al., 2016).

Один из главных объектов геоконфликтологии – конфликт между сепаратистским движением, действующим на определенной территории, и материнским государством (Попов, 2012). Большинство политико-географов (Заяц, 2022; Кротов, 2016) рассматривают сепаратизм именно в конфликтологической парадигме. Смежные работы политологов по этой теме можно разделить на две группы. В первую входят географические и политологические исследования по отдельным странам и регионам (о Каталонии, Азаваде и т.п.). Авторы работ второй группы фокусируют свои усилия на сепаратизме как общественном феномене либо объясняя причины, по которым возникло сепаратистское движение, либо рассматривая факторы его успеха или поражения. Поскольку в

России действует немало исследовательских институтов, занимающихся проблемами отдельных регионов мира (Европы, Латинской Америки и др.), большинство работ посвящено мировому опыту, особенно европейскому (Прохоренко, 2018; Семененко, 2018).

Еще одна характерная черта российских исследований – акцент преимущественно на этническом генезисе сепаратизма (Кузнецов, 2015; Осколков, 2021). Так, А. Виммер и др. (Wimmer et al., 2009) указывают, что 57 из 60 рассматриваемых ими сепаратистских конфликтов в мире носили этнокультурный характер. Ф.А. Попов (2012), как и многие западные исследователи, называет их псевдоэтническими, полагая, что причины сепаратизма кроются в конфликте идентичностей, маркеры которых бывают весьма разными. Во многих российских географических исследованиях сепаратизма для анализа конфликтов между доминирующей идентичностью, культурой центра и противостоящей ему периферии используется центр-периферийная модель (“очаги сепаратизма” у Д.В. Зайца, “ареалы конфликтов” у Р.Ф. Туровского, “зоны распространения сепаратизма” у Ф.А. Попова).

Другая характерная черта российских исследований сепаратизма (Попов, 2012; Туров, 2021) – внимание к его диффузии, основанное на гипотезе о том, что успех сепаратистского движения на одной территории побуждает выдвигать аналогичные требования в другой. Подобный “эффект домино” наблюдался в период распада СССР, Югославии и Чехословакии на стыке 1980-х и 1990-х годов. Выход Великобритании из состава ЕС, который можно рассматривать как своеобразную форму сепаратизма, активизировал “евроскептические” настроения в других странах ЕС, например, в Венгрии, Франции и Польше.

Сепаратизм тесно связан с ростом числа, общей площади и населения неконтролируемых территорий. Десятки государств мира в течение многих лет не контролируют свою территорию полностью. Власть над обширными регионами принадлежит лидерам партизанских движений, полевым командирам, наркобаронам, местным вождям. Фактическая сепарация в наибольшей степени затронула обширные зоны проблемной государственности в Азии и Африке, в которых проживает соответственно около 45 млн и 138 млн человек. Адекватно оценить этот феномен, ставший неотъемлемой чертой политической карты мира, можно только дав строгое определение понятия “контроль над территорией”. Подобно государственному суверенитету, это понятие “делимое”. По разным основаниям предложено различать несколько видов контроля: по типу (силовой, политический, идеологический, экономический); по времени (постоянный, временный, в

том числе сезонный, суточный); по территориальному рисунку (сплошной, очаговый, сетевой). Выделены типы неконтролируемых легитимными правительствами территорий. В безгосударственных зонах материнское государство не желает или неспособно осуществлять контроль, и большую часть государственных функций не выполняет ни государство, ни повстанцы. Повстанческие государства представляют собой территории, над которыми оппозиционные силы осуществляют сплошной или очаговый силовой контроль и где повстанческие власти выполняют часть государственных функций. Наконец, непризнанные республики, или государства де-факто обладают всеми или большинством атрибутов государства и опираются на высокий внутренний суверенитет (Колосов и др., 2021; Себенцов, Колосов, 2012).

Общепризнанной терминологии в исследованиях неконтролируемых территорий не сложилось (Попов, 2011), нет и единого мнения о числе непризнанных государств. Однако большинство авторов относят к ним шесть государств на пространстве бывшего СССР (Заяц, 2020; Попов, 2015; Dembinska and Campana, 2017) – Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье, Нагорный Карабах и в последние годы ДНР и ЛНР. Россия глубоко вовлечена в конфликты вокруг этих государств, четыре из них – ее непосредственные соседи. Естественно, факторы их жизнеспособности, соотношение и динамика внутреннего и внешнего суверенитета привлекают значительное внимание российских исследователей, прежде всего, политологов и географов.

Растущий интерес к судьбам непризнанных (частично признанных) государств на постсоветском пространстве проявляют и за рубежом. Их интересные обзоры содержатся в работах С. Пегга (Pegg, 2017), М. Дембинской и А. Кампана (Dembinska and Campana, 2017). В 2010-х годах зарубежные публикации все чаще выходят за рамки давно сложившейся тематики – роли непризнанных республик в международных отношениях, переговорного процесса, возможных путей разрешения конфликта. Освещаются проблемы и особенности государственного строительства, последствия и выгоды отсутствия международной легитимности, состояния экономики, политической жизни. Непризнанные государства рассматриваются теперь не как российские марионетки, а как самостоятельные в широких границах политики. Российские авторы и раньше уделяли этим темам первостепенное внимание, рассматривая конфликты между непризнанными республиками и их материнскими государствами как многомерные явления, связанные с событиями не только периода распада Советского Союза, но и гораздо более далекого прошлого, внутренними различиями, сложным составом, перипетиями формирования и идентичностью населения, влиянием на

соседние районы России и других стран. На первом плане, таким образом, факторы внутреннего суверенитета – способность государства удерживать население, обеспечив его рабочими местами, достойным уровнем доходов и общественных услуг как важнейший критерий легитимности находящихся у власти политических режимов и успеха претензий на независимость (Братерский и др., 2021; Ягья, Антонова, 2020; Kazantsev et al., 2020; Markedonov, 2015; Tokarev et al., 2020).

Джон О'Локлин (2018) сетовал, что в отличие от большинства других направлений географической науки, в политической географии не так часто используются полевые исследования. Исследования постсоветских непризнанных государств выгодно отличаются от этой картины. Опросы в непризнанных государствах, в большинстве случаев – первые после провозглашения фактической независимости, проанализированные в совокупности с объективными показателями (динамикой населения и его состава, состоянием экономики и др.), позволили определить степень их внутреннего суверенитета в соответствии с современными представлениями о его делимости. Было выяснено доверие разных этнических и социальных групп политическим режимам, оценка ими перспектив своей республики, отношение к России и другим ведущим мировым политическим игрокам, мнение о путях разрешения конфликтов. Согласно статистическим моделям, в многонациональных республиках – Приднестровье и Абхазии – главным предиктором настроений граждан оказалась этническая принадлежность.

Исследована роль иконографии (концепция Ж. Готтманна) в укреплении или строительстве общей идентичности постсоветских непризнанных республик и их материнских государств на примере символических фигур – выдающихся политических лидеров, деятелей культуры и искусства разных стран и эпох, которые вызвали восхищение респондентов. Оказалось, что набор таких фигур у русских и украинцев Приднестровья и Молдовы не имеет почти ничего общего, в чем отражаются и воздействие СМИ на массовое сознание, и различия в социализации (O'Loughlin and Kolosov, 2017). Были изучены также функции и режим границ непризнанных государств, в том числе в условиях пандемии (Бражалович и др., 2017; Galkina and Popov, 2016; Golunov, 2021; Kolosov and Zotova, 2021a), туристическая отрасль, занимающая заметное место в хозяйстве некоторых из них (Голунов, Зотова, 2021), и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В российской политической географии и особенно геополитике сохранился унаследованный от 1990-х годов плюрализм подходов. Используя

типологию А.Б. Елацкова, можно сказать, что в российской литературе представлены все три уровня геополитической мысли: обыденный, стереотипный и высоко идеологизированный, прикладной и концептуальный. Неоклассические концепции по-прежнему занимают центральное место, однако приобрела известность и концепция критической геополитики, стало относительно больше концептуальных работ. В потоке публикаций по геополитике исследования, выполненные географами, ввиду сравнительной малочисленности географического сообщества занимают скромное место, но при этом они весьма заметны.

Для геополитических и политико-географических исследований характерна высокая способность быстро отвечать на порой калейдоскопически меняющиеся вызовы, новые актуальные проблемы и запросы политической практики. Примером могут служить отклик географического сообщества на пандемию коронавирусной инфекции и анализ принимаемых в борьбе с ней мер в России и за рубежом, появление концепции Большой Евразии или сдвиги в тематике пограничных исследований, направленные на изучение проблем безопасности и отражающие стремление в ухудшившейся обстановке сохранить позитивный опыт приграничного сотрудничества между российскими, европейскими и другими партнерами.

Российская политическая география и в гораздо меньшей степени геополитика развиваются в опоре на широкий спектр концепций, известных в мировой литературе, а иногда и творчески перерабатывая эти концепции в соответствии с российской спецификой и национальными интересами, по-разному понимаемыми представителями разных идеологических течений. Часто невозможно разграничить поток исследований по геополитике, политической географии, выполненных представителями разных дисциплин и разных стран – географии, политологии, социологии и др. Более глубокая интеграция в мировой процесс накопления научного знания стала возможной благодаря резкой возросшей мобильности исследователей (во всяком случае, до пандемии), их участию в деятельности Международного географического союза и других ассоциаций, включению в совместные проекты.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья выполнена в рамках темы государственного задания Института географии РАН АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

FUNDING

The study was carried out within the state-ordered research theme of the Institute of Geography RAS (no. AAAA-A19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов К.Э.* Географические модели десоветизации топонимии в городах Российской Федерации // Изв. РГО. 2020. № 4. С. 3–18.
- Аксенов К.Э., Андреев М.В.* Городская символическая политика и пространственная диффузия геополитических инноваций в Российской Федерации // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 6. С. 870–887.
- Аксенов К.Э., Яралян С.А.* Идеологизация пространства с использованием городской топонимики в странах СНГ // Региональные исследования. 2012. № 1. С. 3–11.
- Александрова А.Ю., Ступина О.Г.* Туристское регионоведение: влияние региональной интеграции на мировой туристский рынок. М.: Кнорус, 2014. 176 с.
- Александрова А.Ю., Шипугина М.В.* Международный туризм как геополитическая сила. М.—Берлин: Директ-Медиа, 2020. 100 с.
- Бабурин В.Л., Данышин А.И., Катровский А.П.* Роль границ в формировании специализации сельского хозяйства западного порубежья России // Вестн. СПбГУ. Науки о Земле. 2019. № 3. С. 388–402.
- Безруков Л.А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: “Гео”, 2008. 369 с.
- Бильчак М.В.* К оценке потенциала развития приграничных регионов // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 139–145.
- Болотникова Е.Г., Межевич Н.М.* “Северное измерение” и стратегия европейского союза для региона Балтийского моря // Псков. регион. журн. 2012. Т. 13. С. 37–47.
- Бражалович Ф.Л. и др.* Жизнь поверх границ конфликта: социально-экономические аспекты трансграничного взаимодействия внутри разделенных городов (на примере Бендер и Дубоссар) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. № 3. С. 45–57.
- Братерский М.В., Скриба А.С., Сапогова А.И.* Борьба за признание или повышение статуса: условия устойчивости и развития непризнанных государств (на примерах в Евразии) // Вестн. международных организаций. 2021. № 3. С. 203–219.
- Бредникова О.Е.* Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации) // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 4. С. 492–497.
- Вендина О.И., Гриценко А.А.* Культурный ландшафт пограничья и борьба за символические ресурсы утверждения суверенитета // В фокусе наследия / отв. ред. М.Е. Кулешова. М.: Институт географии РАН, 2017. С. 398–416.
- Вендина О.И., Колосов В.А., Себенцов А.Б.* Является ли Прибалтика частью постсоветского пространства? // Международные процессы. 2014б. № 1–2. С. 76–92.
- Вендина О.И. и др.* Идентичность калининградцев: влияние социальных убеждений на выбор самоидентификации // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. № 4. С. 1–13.
- Вендина О.И. и др.* Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Полис. Политические исследования. 2014а. № 5. С. 50–67.
- Воловой В., Баторшина И.А.* Система безопасности в Балтийском регионе как проекция глобального противостояния России и США // Балтийский регион. 2017. № 1. С. 27–43.
- Вперед к Великому океану – 6: люди, история, идеология, образование. Путь к себе / под ред. С.А. Карганова, Т.В. Бордачева. М.: “Валдай”, 2018. 67 с.*
- Герасименко Т.И., Филимонова И.Ю.* Оренбургско-казхстанское порубежье: историко-этнографический и этногеографический аспекты. Оренбург: ОГУ, 2011. 160 с.
- Голунов С.В., Зотова М.В.* Въездной туризм в пост-советских де-факто государствах // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. № 1. С. 42–53.
- Гриценко В.А., Гуменюк И.С., Белов Н.С.* Пространственное изучение сетевого взаимодействия в регионе Вислинского залива с использованием геоинформационных систем // Балтийский регион. 2013. № 4. С. 29–37.
- Гуменюк И.С., Кузнецова Т.Ю., Осмоловская Л.Г.* Местное приграничное передвижение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества // Балтийский регион. 2016. № 1. С. 97–117.
- Демин А.П., Шаталова К.Ю.* Принципы и практика распределения водных ресурсов трансграничных рек России // География и природные ресурсы. 2015. № 1. С. 22–29.
- Дружинин А.Г.* Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2020. 268 с.
- Елацков А.Б.* Категориальный аппарат современной геополитики // Региональные исследования. 2012. № 3. С. 20–33.
- Елацков А.Б.* Политическое геопространство как объект исследования. III. Пространство геополитических отношений // Вестн. СПбГУ. Науки о Земле. 2013. № 4. С. 152–161.
- Елацков А.Б.* Общая геополитика. Вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: ИНФРА-М, 2017. 251 с.
- Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В.* Роль религиозного фактора в формировании конфликтных зон в Африке // Вестн. СПбГУ. Науки о Земле. 2020. № 4. С. 640–653.
- Заяц Д.В.* Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. 2020. № 1. С. 53–69.
- Заяц Д.В.* Географические типы сепаратизма // Политическая география: Современная российская школа. Хрестоматия / под ред. И.Ю. Окунева, М.И. Шестаковой. М.: Изд-во “Аспект Пресс”, 2022. С. 256–264.

- Зотова М.В. и др.* Территориальные градиенты социально-экономического развития российского пограничья // Изв. РАН. Сер. геогр. 2018а. № 5. С. 7–21.
- Зотова М.В., Гриценко А.А., Себенцов А.Б.* Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и факторы трансграничных практик // Мир России. Социология. Этнология. 2018б. № 4. С. 56–77.
- Каледин Н.В. и др.* Развитие политической географии и геополитики в Балтийском регионе как научно-образовательных направлений: исторический вклад Санкт-Петербургского университета // Балтийский регион. 2019. № 2. С. 136–152.
- Караганов С.А.* Россия – возвращение домой (вместо предисловия) // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. М.: Изд. дом “Кодекс”, 2019. С. 9–15.
- Карпенко М.С.* Приграничное измерение евразийской интеграции России и Казахстана: вызовы для сотрудничества // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. № 1. С. 24–36.
- Катровский А.П. и др.* Туризм в приграничных регионах: теоретические аспекты географического изучения // Балтийский регион. 2017. № 1. С. 113–126.
- Колосов В.А.* Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4. С. 31–52.
- Колосов В.А.* Фантомные границы как феномен в политической географии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2017. № 5. С. 3–11.
- Колосов В.А., Себенцов А.Б.* Процессы регионализации на Севере Европы и программа “Северное измерение” в отражении российского политического дискурса // Балтийский регион. 2019. № 4. С. 76–92.
- Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // Полис. Политические исследования. 2000. № 3. С. 40–60.
- Колосов В.А., Себенцов А.Б., Туров Н.Л.* Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика // Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 1. С. 23–51.
- Кондратьева Н.Б.* Европейская модель интеграции рынков. Становление и перспектива. М.: РАН, 2020. 384 с.
- Корнеев В.С.* Международная регионализация на Балтике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. 207 с.
- Кортунов В.А.* Воссоединение Хартленда: геополитическая химера или исторический шанс? // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. М.: Изд. дом “Кодекс”, 2019. С. 344–356.
- Котляков В.М., Шупер В.А.* Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. М.: Изд. дом “Кодекс”, 2019. С. 357–372.
- Кропинова Е.Г.* Сотрудничество между Россией и ЕС в сфере инновационного развития туризма на примере программы приграничного сотрудничества “Литва–Польша–Россия” // Балтийский регион. 2013. № 4. С. 67–80.
- Кротов А.В.* К вопросу о генезисе и развитии национального сепаратизма // Дневник АШПИ. 2016. № 32. С. 46–52.
- Крылов М.П., Гриценко А.А.* Идентичности на Украине: вызовы современности – эхо прошлого? // Мир перемен. 2015. № 2. С. 142–156.
- Кузнецов А.В.* Риски этнокультурной “мозаики” в Европейском союзе // Региональные исследования. 2015. № 4. С. 4–12.
- Кузнецова Т.Ю., Гапанович А.В.* Международное научное сотрудничество в Балтийском регионе: наукометрический анализ // Балтийский регион. 2012. № 4. С. 82–96.
- Мананов А.Г.* Влияние пограничного положения Псковской области на социокультурные ориентиры населения региона // Балтийский регион. 2010. № 2. С. 112–121.
- Межевич Н.М.* Государства Прибалтики 2.0. Четверть века “вторых республик”. М.: “Русская книга”, 2016. 272 с.
- Межевич Н.М., Зверев Ю.Н.* Экономические дилеммы безопасности в восточной части Балтийского моря // Балтийский регион. 2018. № 1. С. 73–88.
- Миронюк Д.А., Женгота К.* К вопросу истории развития интеграционных связей Калининградской области РФ с северо-восточными воеводствами Польши: программный подход // Балтийский регион. 2017. № 2. С. 156–179.
- Морачевская К.А.* Приграничность и периферийность как факторы развития приграничных с Белоруссией регионов России // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 61–69.
- Новиков А.Н.* Приграничное радиально-концентрическое зонирование Забайкальского края в разрезе муниципальных районов как контактных звеньев транспортно-расселенческих структур // Ученые записки Забайкальского гос. ун-та. 2015. № 1. С. 107–114.
- Окунев И.Ю.* Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Сравнительная политика. 2014. № 4. С. 6–14.
- Окунев И.Ю. и др.* Геополитические коды постсоветских этнонациональных сообществ на примере гагаузов и болгар в Молдавии // Международные процессы. 2016. № 1. С. 156–171.
- Осколков П.В.* Этнорегиональный сепаратизм в Европе: дезинтеграция против интеграции? // Международная аналитика. 2021. № 3. С. 59–71.
- Пальмовский Т., Федоров Г.М.* Формирование российско-польского трансграничного региона и роль Калининградской агломерации и Трехградья (Гданьск–Гдыня–Сопот) в этом процессе // Балтийский регион. 2019. № 4. С. 6–19.
- Попкова Л.И.* Основные направления исследования населения приграничья // Социально-экономическая география – 2011: теория и практика: Матер. науч. конф. (Калининград, 14–17 сентября 2011 года) / под ред. А.Г. Дружинина, Г.М. Федорова,

- В.Е. Шувалова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. С. 274–277.
- Попов Ф.А.* От “безгосударственной территории” к “государству де-факто” // Международные процессы. 2011. № 2. С. 5–17.
- Попов Ф.А.* География сепаратизма в современном мире. М.: Новый Хронограф, 2012. 672 с.
- Попов Ф.А.* Дробление политического пространства мира: основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. 2015. № 2. С. 64–73.
- Потоцкая Т.И., Сильнича А.В.* Состояние географических геополитических исследований в современной России // Балтийский регион. 2019. № 2. С. 112–135.
- Прохоренко И.Л.* Европейская интеграция и проблема сепаратизма в странах-членах Европейского союза. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 93 с.
- Радина Н.К.* “Воображаемая геополитика” в российском медийном дискурсе о коронавирусе // Полис. Политические исследования. 2021. № 1. С. 110–124.
- Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. М.: ИП Матушкина, 2018. 562 с.
- Рызынов Т.Ш., Батомункуев В.С.* Зонирование инфраструктуры для совершенствования механизмов развития российско-монгольского трансграничья // География и природные ресурсы. 2016. № 2. С. 156–165.
- Себенцов А.Б., Зотова М.В.* Калининградская область: вызовы эксклавноности и пути ее возможной компенсации // Балтийский регион. 2018. № 1. С. 89–106.
- Себенцов А.Б., Колосов В.А.* Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 31–46.
- Селиверстова М.В.* Некоторые аспекты трансграничного сотрудничества в области использования и охраны водных ресурсов // Водоочистка. Водоподготовка. Водоснабжение. 2009. № 12. С. 4–7.
- Семенов И.С.* Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в “старой” Европе // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 70–87.
- Сергунин А.А.* Россия и Европейский союз в Балтийском регионе: тернистый путь к партнерству // Балтийский регион. 2013. № 4. С. 53–66.
- Сергунин А.А.* Социетальная безопасность в регионе Балтийского моря: российская перспектива // Балтийский регион. 2021. № 3. С. 4–24.
- Сильнича А.В., Гуменюк Л.Г.* Российские геополитические исследования через призму библиометрии // Региональные исследования. 2020. № 1. С. 76–88.
- Скачков В.С.* Оценка рисков дезинтеграции регионов Венесуэлы // Региональные исследования. 2019. № 4. С. 85–97.
- Соколов А.А., Безуглов Е.В., Чибилев А.А., Руднева О.С., Падалко Ю.А.* Сохранение притоков реки Урал в российско-казахстанском приграничье. Оренбург: ИС УрО РАН; РГО, 2020. 68 с.
- Супрунчук И.П., Белозеров В.С., Полян П.М.* Пространственно-временной анализ террористической активности: общий подход и региональные особенности // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. № 3. С. 32–44.
- Сулов Д.В., Пятчкова А.С.* Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. М.: Изд. дом “Кодекс”, 2019. С. 16–53.
- Туров Н.Л.* “Дайте нам независимость, или дайте нам денег”: усиление влияния региональных партий в современной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 6. С. 33–41.
- Фартышев А.Н.* Геополитическое и геоэкономическое положение Сибири: моделирование и оценка // Вестн. СПбГУ. Науки о Земле. 2017. № 3. С. 300–310.
- Фартышев А.Н.* Концепции развития и позиционирования Сибири: количественная оценка их приоритетности с геополитической точки зрения // Региональные исследования. 2019. № 4. С. 107–119.
- Федоров Г.М.* Оценка уровня экономической безопасности эксклавного региона России – Калининградской области // Балтийский регион. 2020. № 3. С. 40–54.
- Федоров Г.М., Корнеевец В.С.* Трансграничная регионализация в условиях глобализации // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 103–114.
- Фролова Н.Л., Самохин М.А.* Трансграничные речные бассейны: единство природной системы и политическая фрагментация // Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. М.: ИП И.И. Матушкина, 2018. С. 322–356.
- Федоров Г.М., Зверев Ю.М., Корнеевец В.С.* Россия на Балтике: 1990–2012 годы. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. 252 с.
- Чибилев А.А.* Трансграничный бассейн реки Урал: природное разнообразие, хозяйственное освоение, антропогенные изменения // Экологические проблемы бассейнов крупных рек / отв. ред. Г.С. Розенберг, С.В. Саксонов. Тольятти: Анна, 2018. С. 323–324.
- Ягья В.С., Антонова И.А.* Государства с ограниченным признанием во внешней политике Российской Федерации: сравнительный анализ основных черт // Сравнительная политика. 2020. № 4. С. 92–105.
- Яськова Т.И.* Межстоличное положение как вызов социально-экономическому развитию российско-белорусского приграничья // Региональные исследования. 2021. № 2. С. 74–85.
- Amilhat Szary A.-L.* Géopolitique des frontières. Découper la terre, imposer une vision du monde. Paris: La Cavalier Bleu, 2020. 216 p.
- Anzaldúa G.* Borderlands / La Frontera. The New Mestiza. San-Francisco: Aunt Lute Books, 1999. 312 p.
- Böhm H.* The influence of the Covid-19 pandemic on Czech-Polish cross-border cooperation: From debordering to re-bordering? // Morav. Geogr. Rep. V. 29. Is. 2. P. 137–148.
- Brambilla C., Jones R.* Rethinking borders, violence, and conflict: From sovereign power to borderscapes as sites of struggles // Environ. Plan. D. 2020. V. 38. Is. 2. P. 287–305.

- Brazhalovich F., Klyuchnikov M., Lukyanov A.* The Political-geographical Aspects of Problematic Statehood (Exemplified by Somalia) // *Geogr. Nat. Res.* 2016. V. 37. № 3. P. 264–270.
- Chaulagain R., Nasser W., Young J.* #StayHomeSaveLives: Essentializing Entry and Canada's Biopolitical COVID Borders // *J. Borderl. Stud.* 2021. <https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1985588>
- Dembinska M., Campana A.* Frozen Conflicts and Internal Dynamics of De Facto States: Perspectives and Directions for Research // *Int. Stud. Rev.* 2017. V. 19. Is. 2. P. 254–278.
- Fawcett L.* Regionalism from an Historical Perspective // *Regionalism in world politics* / L. Fawcett, A. Hurrell (Eds.). Oxford: Univ. Press, 1995. P. 9–37.
- Galkina T., Popov F.* Russia's borders with Abkhazia and South Ossetia on four scales: Analysis of the political discourse // *Reg. Res. Rus.* 2016. № 6. P. 258–266.
- Ghorra-Gobin C.* Dictionnaire critique de la mondialisation. Paris: A. Colin, 2012. 648 p.
- Golunov S.* Pandemic Borders of Post-Soviet De Facto States // *J. Borderl. Stud.* 2021. P. 1–20. <https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1943495>
- Golunov S., Smirnova V.* Russian Border Controls in Times of the COVID-19 Pandemic: Social, Political, and Economic Implications // *Probl. Post-Communism.* 2021. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1920839>
- Gössling S., Scott D., Hall M.* Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19 // *J. Sustain. Tour.* V. 29. Is. 1. P. 1–20.
- Janczak J.* Phantom borders and electoral behavior in Poland historical legacies, political culture and their influence on contemporary politics // *Erdkunde.* V. 69. № 2. P. 125–137.
- Jones R.* Border Walls: Security and the War on Terror in the United States, India, and Israel. London: Zed Books, 2012. 224 p.
- Kazantsev A. et al.* Russia's policy in the “frozen conflicts” of the post-Soviet space: from ethno-politics to geopolitics // *Cauc. Surv.* 2020. V. 8. № 2. P. 142–162.
- Kolosov V., Morachevskaya K.* The Role of an Open Border in the Development of Peripheral Border Regions: The Case of Russian-Belarusian Borderland // *J. Borderl. Stud.* 2020. <https://doi.org/10.1080/08865655.2020.1806095>
- Kolosov V., Zotova M.* “De-Facto Borders” as a Mirror of Sovereignty. The Case of the Post-Soviet Non-Recognized States // *Hist. Soc. Res.* 2021a. V. 46. № 3. P. 178–207.
- Kolosov V., Zotova M.* The ‘Pivot to the East’ and China in Russian Discourse // *Geopolitics.* 2021b. <https://doi.org/10.1080/14650045.2021.1952184>
- Kolosov V., Popov F., Zotova M., Gritsenko A., Sebentsov A., Vendina O.* Looking East and West: the Shifting Concepts of Russia's Borders with CIS Countries and the EU // *Post-Cold War Borders: Reframing Political Space in Eastern Europe* / J. Laine, I. Liikanen, J. Scott (Eds.). London: Routledge, 2018. P. 72–90.
- Kolosov V., Tikonov V., Eremchenko E.* Areas of socio-geographical study of the COVID-19 pandemic in Russia and the world // *Geogr. Environ. Sustain.* 2021. V. 14. № 4. P. 109–116.
- Konrad V.* Toward a Theory of Borders in Motion // *J. Borderl. Stud.* 2015. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/08865655.2015.1008387>
- Kryukov V.A., Seliverstov V.E.* From the Continental and Resource Curse of Siberia to Institutional Harmony // *Reg. Res. Rus.* 2022. № 1. P. 1–12. (In Press.)
- Laruelle M.* Russian Eurasianism. An Ideology of Empire. Washington D.C.: Woodrow Wilson Press, 2008. 296 p.
- Mäkinen S.* Russian Geopolitical Visions and Argumentation. Tampere: Tampere Univ. Press, 2008. 369 p.
- Markedonov S.* De facto statehood in Eurasia: a political and security phenomenon // *Cauc. Surv.* 2015. V. 3. № 3. P. 195–206.
- Martinez O.* Border People: Life and Society in the U.S.–Mexico Borderlands. Tucson: Univ. of Arizona Press, 1994. 352 p.
- O'Loughlin J.* Thirty-five years of political geography and Political Geography: The good, the bad and the ugly // *Polit. Geogr.* 2018. V. 65. July. P. 143–151.
- O'Loughlin J., Kolosov V.* Building Identities in post-Soviet “De Facto States”: Cultural and Political Icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdniestria, and Abkhazia // *Eurasian Geogr. Econ.* 2017. V. 58. Is. 17. P. 691–715.
- O'Loughlin J., O'Tuathail G., Kolosov V.* ‘Risky Westward Turn’? Putin's 9–11 Script and Ordinary Russians // *Eur. Asia. Stud.* 2004a. V. 56. Is. 1. P. 3–34.
- O'Loughlin J., O'Tuathail G., Kolosov V.* Russian geopolitical storylines and public opinion in the wake of 9–11: a critical geopolitical analysis and national survey // *Communist Post-Communist Stud.* 2004b. V. 37. Is. 3. P. 281–318.
- O'Loughlin J., Kolosov V., Toal G.* Who identifies with the “Russian World”? Geopolitical attitudes in southeastern Ukraine, Crimea, Abkhazia, South Ossetia, and Transnistria // *Eurasian Geogr. Econ.* 2016. V. 57. Is. 6. P. 745–778.
- Paasi A.* Territories, boundaries and consciousness: The changing geographies of the Finnish-Russian border. Chichester: Wiley, 1996. 376 p.
- Paasi A.* Problematizing ‘Bordering, Ordering, and Othering’ as Manifestations of Socio-Spatial Fetishism // *Tidschr. Econ. Soc. Geogr.* 2021. V. 112. Is. 1. P. 18–25.
- Paasi A., Prokkola E.-K.* Territorial Dynamics, Cross-border Work and Everyday Life in the Finnish–Swedish Border Area // *Space and Polity.* 2008. V. 12. № 1. P. 13–29.
- Palmowski T., Fedorov G.* The potential for development of Russian-Polish cross-border region // *Geogr. Environ. Sustain.* 2020. V. 13. № 1. P. 21–28.
- Pegg S.* Twenty Years of de facto State Studies: Progress, Problems, and Prospects. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.516>

- Rosière S., Jones R.* Teichopolitics: Re-considering Globalisation Through the Role of Walls and Fences // *Geopolitics*. 2012. V. 17. Is. 1. P. 217–234.
- Rothmüller N.* Covid-19. Borders, world-making, and fear of others // *Research in Globalization*. 2021. V. 3. December. <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2021.100036>
- Sagan I. et al.* The local border traffic zone experiment as an instrument of cross-border integration: the case of Polish-Russian borderland // *Geogr. Pol.* 2018. V. 91. № 1. P. 95–112.
- Scott J.* Introduction: Bordering, Ordering. Othering (Almost) Twenty Years On // *Tijdschr. Econ. Soc. Geogr.* 2021. V. 112. Is. 1. P. 26–33.
- Stryjakiewicz T.* The changing role of border zone in the transforming economies of East-Central Europe. The case of Poland // *Geojournal*. 1998. V. 44. № 3. P. 203–213.
- Tokarev A., Margoev A., Prikhodchenko A.* The statehood of Eurasia's de facto states: an empirical model of engagement by great powers and patrons // *Cauc. Surv.* 2021. V. 9. № 2. P. 93–119.
- Vallet E.* Border Walls and the Illusion of Deterrence // *Open Borders: In Defense of Free Movement* / R. Jones (Ed.). Athens: Univ. of Georgia Press, 2019. P. 156–168.
- von Hirschhausen et al.* Phantom Borders in Eastern Europe: A New Concept for Regional Research // *Slav. Rev.* 2019. V. 78. Is. 2. P. 368–389.
- Wimmer A., Cederman L.-E., Min B.* Ethnic politics and armed conflict. A configurational analysis of a new global dataset // *Am. Sociol. Rev.* 2009. V. 74. № 2. P. 316–337.
- Zhirnova L.* Russia and Other Significant Others in Latvian Caricatures // *Galactica Media: J. of Media Studies*. 2021. V. 3. № 3. P. 199–212.
- Zotova M., Gritsenko A., von Löwis S.* Friends or Foes? Changes in Cross-Border Practices and Attitudes Toward Neighbors along the Russian-Ukrainian Border after 2014 // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2021. № 4. P. 220–236.

Geopolitics and Political Geography in Russia: Global Context and National Characteristics

V. A. Kolosov^{1, *}, M. V. Zotova^{1, **}, and N. L. Turov^{1, ***}

¹ *Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

*e-mail: kolosov@igras.ru

**e-mail: zotova@igras.ru

***e-mail: turov@igras.ru

Against the backdrop of global trends, the main directions, methodological approaches, and the most striking research results in the field of geopolitics and political geography in 2011–2021 are considered. Political geography is being widely integrated with adjacent scientific areas. Russian political geography and, to a much lesser extent, geopolitics are based on a wide range of concepts known in world literature. Researchers in these areas are promptly responding to current foreign policy and other challenges, including the coronavirus pandemic. Particular attention is being paid to geopolitical publications about the pivot of Russian foreign policy to the East and the Greater Eurasia concept. Since the 2010s, the theory of critical geopolitics has become more widespread in Russia, operating not with speculative reasoning, but with large amounts of information analyzed by modern quantitative methods. The flow of studies of state borders and frontiers is growing. In such publications, a large place is occupied by works devoted to the growing gradients in the pace and directions of economic development between former USSR countries. Shifts in the topic of border studies are associated with the deeper study of security issues. Many works reflect the desire to preserve the positive experience of cross-border cooperation between Russian and European partners in a deteriorating environment. The greatest number of Russian publications on regionalization at different spatial levels involve the Baltic Basin. There is a growing body of research on territorial conflicts and separatism. Russian geographers and representatives of related sciences have made a significant contribution to studying the problems of uncontrolled territories and unrecognized (partially recognized) post-Soviet states. Conflicts around unrecognized (partially recognized) states in the post-Soviet space are considered in relation to their internal differences, complex composition, vicissitudes of formation and identity of the population, influence on neighboring regions of Russia and in historical retrospect.

Keywords: geopolitics, political geography, Russia, Greater Eurasia, border studies, separatism, unrecognized states

REFERENCES

- Aksenov K.E. Geographic patterns of desovietization of toponymy in Russian cities. *Reg. Res. Russ.*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 220–229.
- Aksenov K.E., Andreev M.V. Urban forms of spatial diffusion of geopolitical innovations in the Russian Federation. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2021, vol. 85, no. 6, pp. 870–887. (In Russ.).

- Aksenov K.E., Yaralyan S.A. Ideological reloading of cityscape with the use of toponimics in CIS-countries. *Reg. Issled.*, 2012, no. 1, pp. 3–11. (In Russ.).
- Aleksandrova A.Yu., Shipugina M.V. *Mezhdunarodnyi turizm kak geopoliticheskaya sila* [International Tourism as a Geopolitical Force]. Moscow: Direkt-Media Publ., 2020. 100 p.
- Aleksandrova A.Yu., Stupina O.G. *Turistskoe regionovedenie: vliyaniye regional'noi integratsii na mirovoi turistskii rynek* [Tourism Regional Studies: The Impact of Regional Integration on the Global Tourism Market]. Moscow: Knorus Publ., 2014. 176 p.
- Amilhat Szary A.-L. *Géopolitique des Frontières: Découper la Terre, Imposer Une Vision du Monde*. Paris: La Cavalier Bleu, 2020. 216 p.
- Anzaldúa G. *Borderlands/La Frontera. The New Mestiza*. San-Francisco: Aunt Lute Books, 1999. 260 p.
- Baburin V.L., Dan'shin A.I., Katrovskii A.P. The role of borders in the formation of agricultural specialization in the western part of Russia. *Vestn. S.-Peterb. Univ., Nauki Zemle*, 2019, no. 3, pp. 388–402. (In Russ.).
- Bezrukov L.A. *Kontinental'no-okeanicheskaya dikhotomiya v mezhdunarodnom i regional'nom razviti* [Continental-Ocean Dichotomy in International and Regional Development]. Novosibirsk: GEO Publ., 2008. 369 p.
- Bil'chak M.V. On the assessment of cross-border regions' development potential. *Balt. Reg.*, 2011, no. 2, pp. 139–145. (In Russ.).
- Böhm H. The influence of the Covid-19 pandemic on Czech–Polish cross-border cooperation: From debordering to re-bordering? *Morav. Geogr. Rep.*, 2021, vol. 29, no. 2, pp. 137–148.
- Bolotnikova E.G., Mezhevich N.M. Northern dimension and the European Union strategy for the Baltic Sea region. *Pskov. Regionol. Zh.*, 2012, vol. 13, pp. 37–47. (In Russ.).
- Brambilla C., Jones R. Rethinking borders, violence, and conflict: from sovereign power to borderscapes as sites of struggles. *Environ. Plann. D*, 2020, vol. 38, no. 2, pp. 287–305.
- Braterskii M., Skriba A., Sapogova A. Struggle for recognition or higher status: stability and development conditions of unrecognized states (Eurasian cases). *Vestn. Mezhdunarodn. Organizatsii*, 2021, no. 3, pp. 203–219. (In Russ.).
- Brazhalovich F., Klyuchnikov M., Lukyanov A. The political-geographical aspects of problematic statehood (exemplified by Somalia). *Geogr. Nat. Resour.*, 2016, vol. 37, no. 3, pp. 264–270.
- Brazhalovich F.L. et al. Life over the conflict borders: socioeconomic aspects of cross-border cooperation inside the divided cities (case study of Bendery and Dubossary). *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2017, no. 3, pp. 45–57. (In Russ.).
- Brednikova O.E. Borderland as a social phenomenon (directions of sociological conceptualization). *Vestn. S.-Peterb. Univ., Ser. 12: Psikhol., Sotsiol., Pedagog.*, 2008, no. 4, pp. 492–497. (In Russ.).
- Chaulagain R., Nasser W., Young J. #StayHomeSaveLives: essentializing entry and Canada's biopolitical COVID borders. *J. Borderlands Stud.*, 2021. <https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1985588>
- Chibilev A.A. Cross-border Ural River basin: natural diversity, economic development, and anthropogenic changes. In *Ekologicheskie problemy basseinov krupnykh rek* [Ecological Problems of Large River Basins]. Rozenberg G.S., Saksonov S.V., Eds. Tolyatti: Anna Publ., 2018, pp. 323–324. (In Russ.).
- Dembinska M., Campana A. Frozen conflicts and internal dynamics of de facto states: perspectives and directions for research. *Int. Stud. Rev.*, 2017, vol. 19, no. 2, pp. 254–278.
- Demin A.P., Shatalova K.Yu. The water resource distribution principles and practices of transboundary rivers of Russia. *Geogr. Nat. Resour.*, 2015, vol. 36, no. 1, pp. 18–24.
- Druzhinin A.G. *Evrazijskie priority Rossii (vzglyad geografa-obshchestvoveda)* [Eurasian Priorities of Russia: The View of a Social Geographer]. Rostov-on-Don: Yuzh. Fed. Univ. Publ., 2020. 268 p.
- Elatskov A.B. The categories of modern geopolitics. *Reg. Issled.*, 2012, no. 3, pp. 20–33. (In Russ.).
- Elatskov A.B. Political geospace as the study object. III. The space of geopolitical relations. *Vestn. S.-Peterb. Univ., Nauki Zemle*, 2013, no. 4, pp. 152–161. (In Russ.).
- Elatskov A.B. *Obshchaya geopolitika. Voprosy teorii i metodologii v geograficheskoi interpretatsii* [General Geopolitics: Theory and Practice in Geographical Interpretation]. Moscow: INFRA-M Publ., 2017. 252 p.
- Fartyshev A.N. Geopolitical and geoeconomical position of Siberia: modeling and estimation. *Vestn. S.-Peterb. Univ., Nauki Zemle*, 2017, no. 3, pp. 300–310. (In Russ.).
- Fartyshev A.N. Conceptions of Siberia development and positioning: quantitative estimation heir priority order a geopolitical point. *Reg. Issled.*, 2019, no. 4, pp. 107–119. (In Russ.).
- Fawcett L. Regionalism from an historical perspective. In *Regionalism in World Politics*. Fawcett L., Hurrell A., Eds. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995, pp. 9–37.
- Fedorov G.M. On the economic security of Russia's Kaliningrad exclave. *Balt. Reg.*, 2020, no. 3, pp. 40–54.
- Fedorov G.M., Korneevets V.S. Transborder regionalization in the conditions of globalization. *Balt. Reg.*, 2010, no. 4, pp. 103–114.
- Fedorov G.M., Zverev Yu.M., Korneevets V.S. *Rossiia na Baltike: 1990–2012 gody* [Russia in the Baltic Region: 1990–2012]. Kaliningrad: Balt. Fed. Univ. im. I. Kanta, 2013. 252 p.
- Frolova N.L., Samokhin M.A. Cross-border river basins: natural system unity and political fragmentation. In *Rossiiskoe pogranich'e: vyzovy sosedstva* [Russian Borderland: Challenges of Neighborhood]. Kolosov V.A. Ed. Moscow: IP I.I. Matushkina Publ., 2018, pp. 322–356. (In Russ.).

- Galkina T., Popov F. Russia's borders with Abkhazia and South Ossetia on four scales: Analysis of the political discourse. *Reg. Res. Russ.*, 2016, vol. 6, no. 3, pp. 258–266.
- Gerasimenko T.I., Filimonova I.Yu. *Orenburgsko-kazakhstanskoe porubezh'e: istoriko-etnograficheskii i etno-geograficheskii aspekty* [Orenburg-Kazakhstan Borderland: Historical, Ethnographic, and Ethnogeographical Aspects]. Orenburg: Orenb. Gos. Univ. Publ., 2011. 160 p.
- Ghorra-Gobin C. *Dictionnaire Critique de la Mondialisation*. Paris: A. Colin, 2012. 648 p.
- Golunov S. Pandemic borders of post-Soviet de facto states. *J. Borderlands Stud.*, 2021. <https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1943495>
- Golunov S., Smirnova V. Russian border controls in times of the COVID-19 pandemic: social, political, and economic implications. *Probl. Post-Communism*, 2021. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1920839>
- Golunov S.V., Zotova M.V. Inbound tourism in post-Soviet “de facto” states. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2021, no. 1, pp. 42–53. (In Russ.).
- Gössling S., Scott D., Hall M. Pandemics, tourism, and global change: a rapid assessment of COVID-19. *J. Sustain. Tourism*, 2021, vol. 29, no. 1, pp. 1–20.
- Gritsenko V.A., Gumenyuk I.S., Belov N.S. A spatial study of networking in the Vistula Lagoon region using geoinformation systems. *Balt. Reg.*, 2013, no. 4, pp. 29–37.
- Gumenyuk I.S., Kuznetsova T.Yu., Osmolovskaya L.G. Local border traffic as an efficient tool for developing cross-border cooperation. *Balt. Reg.*, 2016, no. 1, pp. 97–117.
- Janczak J. Phantom borders and electoral behavior in Poland historical legacies, political culture and their influence on contemporary politics. *Erdkunde*, 2015, vol. 69, no. 2, pp. 125–137.
- Jones R. *Border Walls: Security and the War on Terror in the United States, India, and Israel*. London: Zed Books, 2012. 224 p.
- Kaledin N.V. et al. The development of political geography and geopolitics as an academic and research discipline in the Baltic region: the historical contribution of Saint Petersburg University. *Balt. Reg.*, 2019, no. 2, pp. 136–152.
- Karaganov S.A. Russia—return to home (instead of a preface). In *Voprosy geografii* [Problems of Geography]. Vol. 148: *Rossiya v formiruyushcheysya Bol'shoi Evrazii* [Russia in the Developing Great Eurasia]. Kotlyakov V.M., Shuper V.A. Eds. Moscow: Kodeks Publ., 2019, pp. 9–15. (In Russ.).
- Karpenko M.S. Cross-border dimension of Eurasian integration of Russia and Kazakhstan: Challenges for cooperation. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2019, no. 1, pp. 24–36. (In Russ.).
- Katrovskii A.P. et al. Tourism in border regions: theoretical aspects of a geographical study. *Balt. Reg.*, 2017, no. 1, pp. 113–126.
- Kazantsev A. et al. Russia's policy in the “frozen conflicts” of the post-Soviet space: from ethno-politics to geopolitics. *Caucasus Surv.*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 142–162.
- Kolosov V.A. Critical geopolitics: main concepts and field experience in Russia. *Polit. Nauka*, 2011, no. 4, pp. 31–52. (In Russ.).
- Kolosov V.A. Phantom borders as a phenomenon in political geography. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2017, no. 5, pp. 3–11. (In Russ.).
- Kolosov V., Morachevskaya K. The role of an open border in the development of peripheral border regions: the case of Russian-Belarusian borderland. *J. Borderlands Stud.*, 2020. <https://doi.org/10.1080/08865655.2020.1806095>
- Kolosov V.A., Sebentsov A.B. Regionalization in the Northern Europe and the Northern Dimension Russian political discourse. *Balt. Reg.*, 2019, no. 4, pp. 76–92.
- Kolosov V.A., Turovskii R.F. Russia's geopolitical situation on the threshold of the 21st century: realities and prospects. *Polis: Polit. Issled.*, 2000, no. 3, pp. 40–60. (In Russ.).
- Kolosov V., Zotova M. “De-facto borders” as a mirror of sovereignty. The case of the post-Soviet Non-Recognized States. *Hist. Soc. Res.*, 2021a, vol. 46, no. 3, pp. 178–207.
- Kolosov V., Zotova M. The ‘Pivot to the East’ and China in Russian discourse. *Geopolitics*, 2021b. <https://doi.org/10.1080/14650045.2021.1952184>
- Kolosov V., Popov F., Zotova M., Gritsenko A., Sebentsov A., Vendina O. Looking east and west: the shifting concepts of Russia's borders with CIS countries and the EU. In *Post-Cold War Borders: Reframing Political Space in Eastern Europe*. Laine J., Liikanen I., Scott J., Eds. London: Routledge, 2018, pp. 72–90.
- Kolosov V.A., Sebentsov A.B., Turov N.L. Uncontrolled territories in the contemporary world: theory, genesis, types, and dynamics. *Kontury Glob. Transformatsii: Politika, Ekonom., Pravo*, 2021a, no. 1, pp. 23–51. (In Russ.).
- Kolosov V., Tikunov V., Eremchenko E. Areas of socio-geographical study of the COVID-19 pandemic in Russia and the world. *Geogr. Environ. Sustain.*, 2021b, vol. 14, no. 4, pp. 109–116.
- Kondrat'eva N.B. *Evropeiskaya model' integratsii rynkov. Stanovlenie i perspektiva* [European Model of Market Integration: Formation and Perspective]. Moscow: Ross. Akad. Nauk, 2020. 384 p.
- Konrad V. Toward a theory of borders in motion. *J. Borderlands Stud.*, 2015, vol. 30, no. 1, pp. 1–17. <https://doi.org/10.1080/08865655.2015.1008387>
- Korneevets V.S. *Mezhdunarodnaya regionalizatsiya na Baltike* [International Regionalization in the Baltic Region]. St. Petersburg: S.-Peterb. Gos. Univ. Publ., 2010. 207 p.
- Kortunov V.A. Heartland reunification: a geopolitical chimera or a historical chance? In *Voprosy geografii* [Problems of Geography]. Vol. 148: *Rossiya v formiruyushcheysya Bol'shoi Evrazii* [Russia in the Developing Great

- Eurasia]. Kotlyakov V.M., Shuper V.A., Eds. Moscow: Kodeks Publ., 2019, pp. 344–356. (In Russ.).
- Kotlyakov V.M., Shuper V.A. Russia in Great Eurasia: objectives for the 21st century. In *Voprosy geografii* [Problems of Geography]. Vol. 148: *Rossiya v formiruyushcheysya Bol'shoi Evrazii* [Russia in the Developing Great Eurasia]. Kotlyakov V.M., Shuper V.A., Eds.. Moscow: Kodeks Publ., 2019, pp. 357–372. (In Russ.).
- Kropinova E.G. Cooperation between Russia and the EU in the field of innovative development of tourism: the case of the Lithuania—Poland—Russia cross-border cooperation programme. *Balt. Reg.*, 2013, no. 4, pp. 67–80.
- Krotov A.V. Genesis and development of national separatism. *Dnevnik Altai. Shk. Polit. Issled.*, 2016, no. 32, pp. 46–52. (In Russ.).
- Krylov M.P., Gritsenko A.A. Identities in Ukraine: modern challenges and echoes of the past? *Mir Peremen*, 2015, no. 2, pp. 142–156. (In Russ.).
- Kryukov V.A., Seliverstov V.E. From the continental and resource curse of Siberia to institutional harmony. *Reg. Res. Russ.*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 1–12.
- Kuznetsov A.V. Risks of ethno-cultural “mosaics” in the European Union. *Reg. Issled.*, 2015, no. 4, pp. 4–12. (In Russ.).
- Kuznetsova T.Yu., Gapanovich A.V. International research cooperation in the Baltic region: scientometric analysis. *Balt. Reg.*, 2012, no. 4, pp. 82–96.
- Laruelle M. *Russian Eurasianism. An Ideology of Empire*. Washington DC: Woodrow Wilson Press, 2008. 296 p.
- Mäkinen S. *Russian Geopolitical Visions and Argumentation*. Tampere: Tampere Univ. Press, 2008. 369 p.
- Manakov A.G. The influence of the border position of Pskov oblast on the sociocultural values of the population. *Balt. Reg.*, 2010, no. 2, pp. 112–121.
- Markedonov S. De facto statehood in Eurasia: a political and security phenomenon. *Caucasus Surv.*, 2015, vol. 3, no. 3, pp. 195–206.
- Martinez O. *Border People: Life and Society in the U.S.—Mexico Borderlands*. Tucson: Univ. of Arizona Press, 1994. 352 p.
- Mezhevich N.M. *Gosudarstva Pribaltiki 2.0. Chetvert' veka "victorykh respublik"* [Baltic States 2.0. A Quarter of a Century of “Second Republics”]. Moscow: Russ. Kniga Publ., 2016. 272 p.
- Mezhevich N.M., Zverev Yu.N. East Baltics: Economic Dilemmas of Security. *Balt. Reg.*, 2018, no. 1, pp. 73–88.
- Mironyuk D.A., Zhengota K. The history of the integration between Russia’s Kaliningrad region and Poland’s northeastern voivodeships: A programme approach. *Balt. Reg.*, 2017, no. 2, pp. 156–179.
- Morachevskaya K.A. Frontier or periphery location as factors of socioeconomic development of the Russian regions bordering on Belarus. *Reg. Issled.*, 2010, no. 4, pp. 61–69. (In Russ.).
- Novikov A.N. Border radial-concentric zonation of the Transbaikalia krai in the context of municipal districts as contact links of transport and re-settlement structures. *Uch. Zap. Zabaikal'sk. Gos. Univ.*, 2015, no. 1, pp. 107–114. (In Russ.).
- Okunev I.Yu. et al. Geopolitical codes of post-Soviet ethno-national communities. *Mezhdunar. Protsessy*, 2016, no. 1, pp. 156–171. (In Russ.).
- Okunev I.Yu. Critical geopolitics and post-critical shift in geopolitical research paradigm. *Sravnitel'naya Polit.*, 2014, no. 4, pp. 6–14. (In Russ.).
- O'Loughlin J. Thirty-five years of political geography and political geography: the good, the bad and the ugly. *Polit. Geogr.*, 2018, vol. 65, pp. 143–151.
- O'Loughlin J., Kolosov V. Building identities in post-Soviet “de facto states”: cultural and political icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transdniestria, and Abkhazia. *Eurasian Geogr. Econ.*, 2017, vol. 58, no. 17, pp. 691–715.
- O'Loughlin J., O'Tuathail G., Kolosov V. ‘Risky westward turn’? Putin’s 9–11 script and ordinary Russians. *Eur.-Asia Stud.*, 2004a, vol. 56, no. 1, pp. 3–34.
- O'Loughlin J., O'Tuathail G., Kolosov V. Russian geopolitical storylines and public opinion in the wake of 9–11: a critical geopolitical analysis and national survey. *Communist Post-Communist Stud.*, 2004b, vol. 37, no. 3, pp. 281–318.
- O'Loughlin J., Kolosov V., Toal G. Who identifies with the “Russian World”? Geopolitical attitudes in southeastern Ukraine, Crimea, Abkhazia, South Ossetia, and Transnistria. *Eurasian Geogr. Econ.*, 2016, vol. 57, no. 6, pp. 745–778.
- Oskolkov P.V. Ethnoregional separatism in Europe: disintegration vs. integration? *Mezhdunar. Anal.*, 2021, no. 3, pp. 59–71. (In Russ.).
- Paasi A. *Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. Chichester: Wiley, 1996. 376 p.
- Paasi A. Problematizing ‘bordering, ordering, and othering’ as manifestations of socio-spatial fetishism. *Tijdschr. Econ. Soc. Geogr.*, 2021, vol. 112, no. 1, pp. 18–25.
- Paasi A., Prokkola E.-K. Territorial dynamics, cross-border work and everyday life in the Finnish—Swedish border area. *Space Polity*, 2008, vol. 12, no. 1, pp. 13–29.
- Palmowski T., Fedorov G.M. The development of a Russian—Polish cross-border region: the role of the Kaliningrad agglomeration and the Tri-City (Gdansk—Gdynia—Sopot). *Balt. Reg.*, 2019, no. 4, pp. 6–19.
- Palmowski T., Fedorov G. The potential for development of Russian—Polish cross-border region. *Geogr. Environ. Sustain.*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 21–28.
- Pegg S. *Twenty Years of de facto State Studies: Progress, Problems, and Prospects*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.516>
- Popkova L.I. The main studies of the borderland population. In *Mat. nauchn. konf. "Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya—2011," Kaliningrad, 14–17 sentyabrya 2011 goda* [Proc. Sci. Conf. “Socioeconomic Geography—2011,” Kaliningrad, September 14–17, 2011].

- Druzhinin A.G., Fedorov G.M., Shuvalov V.E. Eds. Kaliningrad: Balt. Fed. Univ. im. I. Kanta Publ., 2011, pp. 274–277. (In Russ.).
- Popov F.A. From “ungoverned territory” to “de facto state”. *Mezhdunar. Protsesty*, 2011, no. 2, pp. 5–17. (In Russ.).
- Popov F.A. *Geografiya setsessionizma v sovremennom mire* [Geography of Secessionism in the Modern World]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2012. 672 p.
- Popov F.A. The fragmentation of political space: basic forms and modern trends. *Reg. Issled.*, 2015, no. 2, pp. 64–73. (In Russ.).
- Pototskaya T.I., Sil'nichaya A.V. Modern geopolitical research in Russia. *Balt. Reg.*, 2019, no. 2, pp. 112–135.
- Prokhorenko I.L. *Evropeiskaya integratsiya i problema separatizma v stranakh-chlenakh Evropeiskogo soyuza* [European Integration and the Problem of Separatism in the Member States of the European Union]. Moscow: Inst. Mirovoi Ekon. Mezhdunar. Otnoshch. Publ., 2018. 93 p.
- Radina N.K. “Imaginary geopolitics” in Russian media discourse on coronavirus. *Polis: Polit. Issled.*, 2021, no. 1, pp. 110–124. (In Russ.).
- Rosière S., Jones R. Teichopolitics: re-considering globalization through the role of walls and fences. *Geopolitics*, 2012, vol. 17, no. 1, pp. 217–234.
- Rossiiskoe pogranich'e: vyzovy sosedstva* [Russian Borderland: Challenges of Neighborhood]. Kolosov V.A., Ed. Moscow: IP I.I. Matushkina Publ., 2018. 562 p.
- Rothmüller N. Covid-19. Borders, world-making, and fear of others. *Res. Globalization*, 2021, vol. 3, 100036. <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2021.100036>
- Rygzynov T.Sh., Batomunkuev V.S. Zoning of the infrastructure for improving the mechanisms for development of the Russian-Mongolian transboundary territory. *Geogr. Prir. Resur.*, 2016, no. 2, pp. 156–165. (In Russ.).
- Sagan I. et al. The local border traffic zone experiment as an instrument of cross-border integration: the case of Polish–Russian borderland. *Geogr. Pol.*, 2018, vol. 91, no. 1, pp. 95–112.
- Scott J. Introduction: bordering, ordering. Othering (almost) twenty years on. *Tijdschr. Econ. Soc. Geogr.*, 2021, vol. 112, no. 1, pp. 26–33.
- Sebentsov A.B., Kolosov V.A. Phenomenon of uncontrolled territories in modern world. *Polis: Polit. Issled.*, 2012, no. 2, pp. 31–46. (In Russ.).
- Sebentsov A.B., Zotova M.V. The Kaliningrad Region: Challenges of the enclave position and ways to offset them. *Balt. Reg.*, 2018, no. 1, pp. 89–106.
- Seliverstova M.V. Some aspects of cross-border cooperation in the field of use and protection of water resources. *Vodochistka. Vodopogotovka. Vodosnabzh.*, 2009, no. 12, pp. 4–7. (In Russ.).
- Semenenko I.S. Nationalism, separatism, and democracy. New patterns of national identity in “Old” Europe. *Polis: Polit. Issled.*, 2018, no. 5, pp. 70–87. (In Russ.).
- Sergunin A.A. Russia and the European Union in the Baltic region: a treacherous path to partnership. *Balt. Reg.*, 2013, no. 4, pp. 53–66.
- Sergunin A.A. Societal security in the Baltic Sea region: the Russian perspective. *Balt. Reg.*, 2021, no. 3, pp. 4–24.
- Sil'nichaya A.V., Gumenyuk L.G. Russian geopolitical studies through the prism of bibliometry. *Reg. Issled.*, 2020, no. 1, pp. 76–88. (In Russ.).
- Skachkov V.S. Disintegration risk assessment for state of Venezuela. *Reg. Issled.*, 2019, no. 4, pp. 85–97. (In Russ.).
- Sokolov A.A., Bezuglov E.V., Chibilev A.A., Rudneva O.S., Padalko Yu.A. *Sokhranenie pritokov reki Ural v rossiisko-kazakhstanskom prigranich'e* [Conservation of Tributaries of the Ural River in the Russian-Kazakh Border Area]. Orenburg: Ross. Geogr. O-vo Publ., 2020. 68 p.
- Stryjakiewicz T. The changing role of border zone in the transforming economies of East-Central Europe. The case of Poland. *GeoJournal*, 1998, vol. 44, no. 3, pp. 203–213.
- Suprunchuk I.P., Belozherov V.S., and Polian P.M. Regional features of the dynamics and structure of terrorist activity in 1970–2012. *Reg. Res. Russ.*, 2017, vol. 7, no. 4, pp. 372–383.
- Suslov D.V., Pyatachkova A.S. Great Eurasia: the concept and place in Russian foreign policy. In *Voprosy geografii* [Problems of Geography]. Vol. 148: *Rossiya v formiruyushcheysya Bol'shoi Evrazii* [Russia in the Developing Great Eurasia]. Kotlyakov V.M., Shuper V.A., Eds. Moscow: Kodeks Publ., 2019, pp. 16–53. (In Russ.).
- Tokarev A., Margoev A., Prikhodchenko A. The statehood of Eurasia's de facto states: an empirical model of engagement by great powers and patrons. *Caucasus Surv.*, 2021, vol. 9, no. 2, pp. 93–119.
- Toward the Great Ocean—6: People, History, Ideology, Education. Rediscovering the Identity*, Karaganov S.A., Bordachev T.V., Eds. Moscow: Valdai Diskuss. Klub, 2018. 63 p.
- Turov N.L. “Give us liberty or give us money”: growth of regional parties' influence in contemporary Europe. *Mirovaya Ekon. Mezhdunar. Otnosh.*, 2021, no. 6, pp. 33–41. (In Russ.).
- Vallet E. Border walls and the illusion of deterrence. In *Open Borders: In Defense of Free Movement*. Jones R., Ed. Athens: Univ. of Georgia Press, 2019, pp. 156–168.
- Vendina O.I., Gritsenko A.A. The cultural landscape of the borderland and the struggle for symbolic resources for statement of sovereignty. In *V fokuse naslediya* [In Legacy Focus]. Kuleshov M.E. Ed. Moscow: Inst. Geogr., Ross. Akad. Nauk, 2017, pp. 398–416. (In Russ.).
- Vendina O.I. et al. Ukraine in the political crisis: the image of Russia as catalyst of contradictions. *Polis: Polit. Issled.*, 2014a, no. 5, pp. 50–67. (In Russ.).
- Vendina O.I., Kolosov V.A., Sebentsov A.B. Are the Baltic states part of the post-Soviet space? *Mezhdunar. Protsesty*, 2014b, nos. 1–2, pp. 76–92. (In Russ.).
- Vendina O.I. et al. Identity of Kaliningraders: influence of social beliefs on the choice of self-identification. *Reg. Res. Russ.*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 533–542.

- Volovoi V., Batorshina I.A. Security in the Baltic region as a projection of global confrontation between Russia and the USA. *Balt. Reg.*, 2017, no. 1, pp. 27–43.
- von Hirschhausen B. et al. Phantom borders in Eastern Europe: a new concept for regional research. *Slav. Rev.*, 2019, vol. 78, no. 2, pp. 368–389.
- Wimmer A., Cederman L.-E., Min B. Ethnic politics and armed conflict. A configurational analysis of a new global dataset. *Am. Sociol. Rev.*, 2009, vol. 74, no. 2, pp. 316–337.
- Yag'ya V.S., Antonova I.A. States with limited recognition in Russian foreign policy: comparative analysis of key features. *Sravnit. Polit.*, 2020, no. 4, pp. 92–105. (In Russ.).
- Yas'kova T.I. Location between capitals as a challenge for Russian-Belarusian borderlands socio-economic development. *Reg. Issled.*, 2021, no. 2, pp. 74–85. (In Russ.).
- Zakharov I.A., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. The role of the religious factor in the formation of conflict zones in Africa. *Vestn. S.-Peterb. Univ., Nauki Zemle*, 2020, no. 4, pp. 640–653. (In Russ.).
- Zayats D.V. The phenomenon of unrecognized states in the modern world. *Geogr. Sreda Zhivyye Sist.*, 2020, no. 1, pp. 53–69. (In Russ.).
- Zayats D.V. Geographic types of separatism. In *Politicheskaya geografiya: Sovremennaya rossiiskaya shkola* [Political Geography: Modern Russian School]. Okunev I.Yu., Shestakova M.I., Eds. Moscow: Aspekt Press, 2022, pp. 256–264. (In Russ.).
- Zhirnova L. Russia and other significant others in Latvian caricatures. *Galactica Media*, 2021, vol. 3, no. 3, pp. 199–212.
- Zotova M.V., Gritsenko A.A., Sebentsov A.B. Everyday life in the Russian borderlands. *Mir Ross., Sotsiol., Etnol.*, 2018, no. 4, pp. 56–77. (In Russ.).
- Zotova M.V., Kolosov V.A., Gritsenko A.A., Sebentsov A.B., Karpenko M.S. Territorial gradients of socioeconomic development of Russia's borderland. *Reg. Res. Russ.*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 32–43.
- Zotova M., Gritsenko A., von Löwis S. Friends or foes? Changes in cross-border practices and attitudes toward neighbors along the Russian-Ukrainian border after 2014. *Etnogr. Obozr.*, 2021, no. 4, pp. 220–236.